E49
306

156 6/127

E49—306

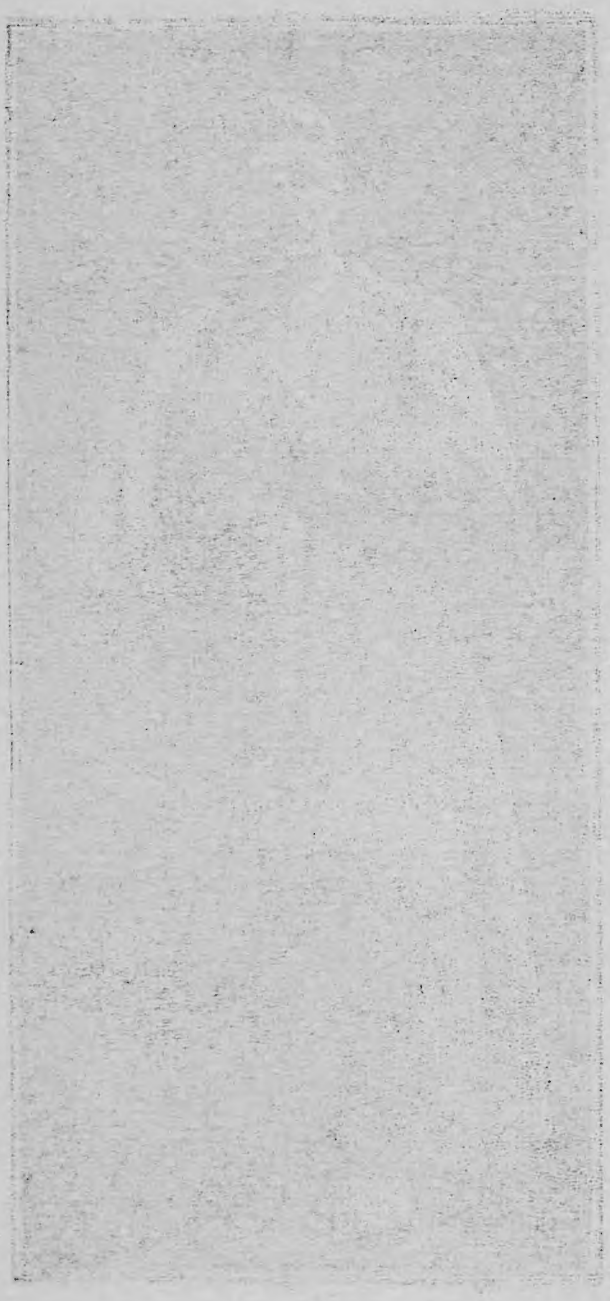
В. ЗАКРУТКИН

СТАЛИН В ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДОВ СССР

РОСТИЗДАТ
РОСТОВ НА ДОНУ — 1937

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
Eб1854 19 г.

XX-летию Великой Октябрьской социалистической революции.



„Сталин, солнце весеннее — это ты!
Ты посмотришь,— и, словно от теплых лучей,
Колосятся поля, расцветают цветы,
Сердце бьется сильнее и кровь горячей.
Сталин—солнце! Гори, не сгорая, в Кремле!
Мы несем тебе песни, сердца и цветы!
Нет на всей неоглядной планете—Земле
Человека нужнее народу, чем ты!"

Джамбул.

ОТ АВТОРА

„Грандиозна задача,— писал Анри Барбюс,— воссоздать облик человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического бойца, сквозь который видны миры и эпохи. Следуя за ним по путям его жизни, мы вступаем на почву истории, мы бродим по нехоженным дорогам, мы соприкасаемся с еще неопубликованными главами библии человечества. Документы стекаются, нагромождаются со всех сторон. Их слишком много, и слишком многое открывается перед нами в этих обновленных горизонтах. Приходится прорубаться сквозь факты и документы, приходится постепенно расчищать просеки в этой еще горячей, еще взволнованной и живой энциклопедии".

Задача художественного воссоздания образа вождя всего трудящегося человечества — грандиозна, ибо величайший образ, образ Сталина воплощается в художественном творчестве народов земли.

За истекшее двадцатилетие советский народ создал множество сказаний, песен и сказок о Ленине и Сталине. Сейчас еще невозможно изучить все богатства народного творчества, посвященного теме о Сталине, так как подавляющее большинство материалов не зарегистрировано, не записано, не приведено в систему. Но даже перед тем, что уже известно по публикациям и записям, исследователь останавли-

вается в изумлении: настолько неисчислимы сказания и песни о Сталине.

Тем более совершенно излишним было бы предупреждение о том, что настоящая работа ни в коей мере не претендует не только на исчерпывающее изучение фольклорных материалов о Сталине, но даже на частичное разрешение важнейших проблем, связанных с этой задачей; это само собою понятно.

Изучение текстов песен, былин и сказов о Сталине в подлинниках, а не в переводах; анализ художественных качеств и формы этих произведений; общее изучение особенностей стиля и языка нового советского эпоса — эти вопросы еще ждут своего исследователя.

Работая над настоящей темой, автор ставил перед собой пока гораздо более доступную по материалам цель: показать, как в нерушимом единстве идейных и творческих интересов народы нашей социалистической Родины воплощают в своих песнях образ величайшего на земле эпического героя.

I.

Трудящееся человечество, все народы земли тысячелетиями мечтали о счастливом будущем, о прекрасной, радостной жизни. Народные певцы сложили множество чудесных песен и легенд о героях, чьи подвиги были направлены на защиту народа. Одно из самых величественных и благородных чувств человека — чувство любви к родине — диктовало народным певцам эпические сказания о могучих и непобедимых богатырях, боровшихся с врагами родной земли, о витязях, обладавших исполинской силой, о смелых защитниках народных прав и свободы.

В великом наследии прошлого, наследии, подлинным хозяином которого стали освобожденные народы нашей страны, мы встречаем множество эпических героев, чья жизнь и подвиги были выражением народных чаяний и ожиданий. Маркс, Энгельс, Ленин не раз указывали на то, что народное творчество прошлых лет является чрезвычайно нужным и важным для изучения народной психологии в наши дни.

Русский народ создал множество героических образов; каждый из них являлся носителем народной правды, олицетворением жизни и стремлений русского народа. В созданных им образах народ прежде всего ярко отразил свои страдания под ярмом иноземных пришельцев — завоевателей, князей

и позже царей, свою многовековую кровавую борьбу против иноземных и „своих“ угнетателей.

„История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную“.[1]

И вот в эту-то тяжелую пору угнетения со стороны завоевателей-феодалов и позже, в пору не меньшего угнетения со стороны „доморощенных“ князей, царей, бояр, помещиков-дворян и капиталистов, русский народ, борясь за лучшее будущее, веря, что будущее это наступит, — создает замечательные старины-былины о могучих богатырях земли русской, верных защитниках народа. Один за другим создаются незабываемые образы Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Микулы Селяниновича, Волха Всеславьевича, Святогора-богатыря, Потаньки-хромого и др.

Главный герой русского эпоса Илья Муромец — подлинный сын народа; в сотнях вариантов былин и сказок о нем, записанных в разных местах, говорится о том, что Илья — крестьянский сын. Характерным является то, что свои подвиги (сразу же после исцеления его от недуга) Илья начинает полевой работой: он помогает своим родителям чистить „луг пожню“, выдергивая руками огромные кусты и деревья и расчищая землю для запашки. Эта деталь имеется и в известных записях Гильфердинга и Рыбникова, и у Киреевского, и в многочисленных вариантах Сибири и Украины.[2] Еще характернее то, что народ,

[1] И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма“, изд. 10, 1936 г., стр. 445.

[2] См. статью Вс. Миллера „К былинам об Илье Муромце“ в его книге „Очерки русской народной словесности“. М. 1897 г. Вып. I—XIV.

создавая образ Ильи, реалистически изображал его первый подвиг, согласуя описание этого подвига с действительностью. Так, по вариантам сказок об Илье Муромце, записанных у карелов, жителей лесного края, Илья начинает свои подвиги молниеносной рубкой дров и сооружением изгороди из больших деревьев[1]. Илья борется с иноземными завоевателями-татарами, убивает Соловья-разбойника и Идолище поганое.

Товарищи Ильи Муромца — „податаманье" Добрыня Никитич и „есаул" Алеша Попович совершают богатырские подвиги во славу своей земли.

Добрыня Никитич разбивает войско царя Батура, освободив тем самым народ от дани. Он уничтожает Змея Горыныча, помогает Илье бороться с татарами. Молодой Алеша Попович, самый хитрый и ловкий из русских богатырей, убивает страшного Тугарина Змеевича.

Как Илья Муромец с Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем обороняли Русь от татар и уничтожали злых чудовищ, так молодой богатырь Волх Всеславьевич побеждает войско „индейского царя" Салтыка Ставруловича, посмевшего напасть на русский народ.

Когда Волх Всеславьевич родился — „подрожала сыра земля, стряслося царство индейское". Волх был обучен искусству „обертываться ясным соколом", „серым волком" и „гнедым туром". И едва подрос Волх Всеславьевич, он узнал, что индейский царь хочет покорить Русь:

Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейский царь наряжается,
А хвалится — похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять.

Тогда молодой Волх, не дожидаясь нападения Салтыка Ставруловича, отправился с дружиной в

[1] А. Н. Веселовский. „Мелкие заметки к былинам" № 14 („Журнал министерства народного просвещения", 1890 г., март, стр. 6—18).

индейское царство и, обернувшись горностаем, надкусил все тетивы на луках врагов и вынул из стрел железные наконечники, после чего повел дружину на царя Салтыка. Дружинники Волха быстро расправились с войском врагов, не допустив их до русской границы, а сам богатырь уничтожил Салтыка Ставруловича:

А сам он Волх во палаты пошел,
Во те во палаты царские,
Ко тому царю ко индейскому,
Двери были у палат железные,
Крюки, пробои по булату злачены.
Говорит тут Волх Всеславьевич:
„Хотя ногу изломить, а двери выставить".
Пнет ногой во двери железные,
Изломал все пробои булатные,
Он берет царя за белы руки,
А славного царя индейского,
Салтыка Ставруловича,
Говорит тут Волх таково слово:
„А и вас, царей, не бьют, не казнят".
Ухватя его, ударил о кирпищатой пол,
Расшиб его в крохи...

Так славный Волх Всеславьевич расправился с врагом, пытавшимся завоевать русскую землю. Вообще, надо сказать, этот мотив — защита родины — является господствующим мотивом в старинах о богатырях; он определяет их подвиги, силу, славу. Молодой богатырь Константинушка Саулович (былина „Царь Саул Леванидович") побеждает татарского царя Кунгура; братья-„мужички" Мишка и Потанька-хромой одолевают татарского богатыря Мастрюка Темрюковича; Евпатий Коловрат побеждает хана Батыя и погибает, защищая Рязань, и проч.

Следует отметить также широкие демократические черты русского народного эпоса. Сказители посвящают вопросу о связи героя с народом многие былины. Так, народ воплотил в замечательном образе

Микулы Селяниновича черты титана-пахаря родной земли, богатыря-труженика. Русские крестьяне, работавшие веками на нищенских полосках земли, угнетаемые князьями и боярами, не теряли веры в свои силы, знали свою мощь. Поэтому они нашли самые лучшие краски для портрета своего героя: они одели его в черный бархатный кафтан, сафьяновые сапожки, пуховую шляпу; его сошку кленовую разукрасили серебром и золотом. Микула Селянинович, как и Илья Муромец, и Добрыня, и Алеша Попович, и Волх Всеславьевич, и Святогор,— один из самых любимых народных героев, образ, полный красоты и благородства. Не случайно Алексей Максимович Горький, в своем докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, отнес Микулу Селяниновича к числу „наиболее глубоких и ярких", „художественно совершенных" образов мировой поэзии и поставил его рядом с образами Геркулеса, Прометея, Фауста. Это очень справедливое замечание, и оно, разумеется, относится и к образам других русских богатырей.

Народ, воплотив в богатырских стáринах свои мысли о родине, о ее героях-защитниках, вполне понятно, сделал богатырей носителями доблести, благородства, отваги, красоты. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович, Волх Всеславьевич, Самсон Колыванович, Михайло Торопан, Иван Годинович, Василий Буслаев, Святогор, братья Михайло и Потанька-хромой, Иван Гостиной сын — эта исключительная по своей красоте и мощи галлерея образов русского народного героического эпоса со всей яркостью и полнотой воплотила ожидания и чаяния народные.

Другие народы создали свой героический эпос, в котором народные герои выросли до монументальных образов. Можно указать на сербские юнацкие песни.

Сербский эпос начал развиваться с XIII—XIV веков, особенно в пору борьбы сербского народа с турецкими феодалами. В XIV веке продвижение ту-

рок в Малую Азию стало наиболее интенсивным; с этого же времени турецкие феодалы завоевывают Византию и Балканы. Разумеется, вся тяжесть турецкого владычества в Сербии легла на народ. И народ создал в эту пору эпические произведения, в которых неизменно прославлялись юнаки, героически боровшиеся с турками, смелые воины, отдававшие жизнь за освобождение сербского народа. Из сербских богатырей-юнаков особой популярностью пользовались бан Страхиня, Милош Обилич, Иван Косанчич, крылатый Реля из Пазара и особенно знаменитый Марко Кралевич, или Марко из Прилепа.

Марко Кралевич — самый популярный и любимый герой сербского народного эпоса. Как Илья Муромец, Марко Кралевич не имеет себе равных по силе и геройству, поэтому песни о нем представляют наибольший интерес, ибо в его образ народ вложил самое лучшее, сильное и честное.

Никто на свете не мог победить Марко Кралевича. Много турецких витязей и храбрых юнаков боролось с ним, но ни один не мог одолеть его. И умер Марко не от вражеской сабли, не от турецкого буздована, а своею смертью, в лесу, при дороге. Он почувствовал приближение смерти, ибо его любимый конь Шарец стал оступаться и плакать. Белая вила предрекла Марко смерть. Тогда непобедимый юнак вынул свою кованую саблю, попрощался с любимым конем и убил его — „чтобы туркам Шарец не достался“. Далее Марко перебил на четыре части свою саблю, поломал копье на семь обломков, забросил на дно морское свой буздован тяжелый и написал в лесу, что отдает свой пояс золотых дукатов странникам-нищим:

— Я слепцам да сухоруким нищим
Отдаю я пояс свой последний:
Пусть калеки ходят белым светом,
Пусть поют и вспоминают Марко.

. . . . . .

Снял с себя зеленую доламу,

Расстелил ее под тонкой елью...
И улегся на своей доламе,
Соболь-шапку на глаза надвинул.
Так лежал, покуда не скончался...

(„Смерть Марко Кралевича").

Так сербский народ в цикле юнацких песен о своем любимом герое Марко Кралевиче выразил муку народа, страдавшего под игом турецких феодалов, выразил свою силу и мощь, свою надежду на освобождение. И в этом есть определенная историческая закономерность: как русский народ создал образы врагов — татар Калина, Батыя, Тугарина в пору татарского нашествия и образы русских богатырей — победителей, так сербский народ создал образ Марко, борца с турками-завоевателями. Мы еще встретимся с этой героической чертой народного эпоса в произведениях других народов и поэтому пока ограничимся указанием на важнейшую, по нашему мнению, его сторону — эпическое воплощение горячей, глубокой любви к своей родине, любви, запечатленной во всех произведениях народного эпоса. А сейчас мы переходим к рассмотрению другой, не менее важной черты народных эпических произведений — описанию творческих подвигов героев и призывам к братству народов.

Лонгфелло, изучивший фольклор северо-американских индейцев, создал „The Song of Hiawatha", изображающую подвиги человека чудесного происхождения, пришедшего к индейцам, чтобы „расчистить их реки, леса и рыболовные места и научить народы искусствам".

Великий Гитчи Манито в своем призыве к миру обращается ко всем народам. Отец Гайаваты — могучий Западный Ветер Меджекивис (Mudjekeewis) только потому обретает славу, что убивает страшного Мише-Мокву — „страх и ужас всех народов". Этот подвиг Меджекивиса известен не только по тексту поэмы Лонгфелло, но и по собранию Скулкрафта (Schoolcraft), записавшего ряд индейских ле-

генд[1]; следовательно, можно с полной уверенностью говорить о подлинно народных источниках легенды. Борьба Гайаваты с золотокудрым Мондамином (олицетворение маиса) дала возможность людям научиться возделывать маис; Квазинд и Гайавата, расчистившие Таквамино, указали племенам путь по реке; победа Гайаваты над Меджисогвоном (богатство) развязывает народу руки; характерным здесь надо считать то, что Гайавата отдал народу все сокровища Меджисогвона; женитьба героя на Минненаге прекращает распри племен, старинную вражду между оджибвеями и дакотами; изобретение Гайаватой письмен ведет к организации связи племен; раскрытие секрета целебных трав врачует людям раны.

Вражда племен и народов особенно занимала воображение народных певцов, как самое глубокое несчастье. В знаменитом „Сокровенном сказании о монголах" а также в исторических трудах Саган-Сецена, использовавшего эту легенду о Чингис-хане и его роде, есть замечательное восклицание старухи-матери, обратившейся к детям, убившим брата:

Вы зачем убили одного из вас?
Словно волки, кусающие свои ребра,
Словно соколы, нападающие на тень свою,
Словно рыбы, бьющие своими плавниками.[2].

Герои старинного народного эпоса всех стран только тогда достигают славы, величия и почестей, когда уничтожают врагов народа, освобождают народ от злых сил. Индийская „Рамаяна" повествует о подвигах четырех братьев — Рамы, Бхараты, Сатругхна и Лахшмана, уничтоживших чудовищ. Рама изгоняет Ракшасов из обители Висвамитры и своей

[1] См. Э. Тейлор. „Первобытная культура", т. 1, стр. 320, СПБ. 1896 г.

[2] Цит. по статье Н. Н. Поппе „О древне-монгольской эпической литературе" (Сб. „С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности", изд. А. Н. СССР, 1934 г., стр. 432).

чудесной стрелой умерщвляет злого царя Равану, похитителя Ситы.

Беовульф освобождает Хеорот от страшного Гренделя, у которого он оторвал руку до самого плеча. Витязь бросается даже на дно болота и, среди ужасных водяных чудовищ, побеждает при помощи заколдованного меча дикую фурию — мать Гренделя. Уже ветхим стариком отправляется он на борьбу с огнедышащим драконом, приносившим народу много бед.

Автор „Слова о полку Игореве" прославляет новгород-северского князя Игоря Святославича за его подвиги и героическую готовность лечь костьми „за землю русскую". Евпатий Коловрат („Повесть о приходе Батыя на Рязань" XIII века) славен тем, что смело отдает свою жизнь за народ в борьбе с Батыем. Никита Кожемяка (Ян Усмошвец), богатырь, раздиравший воловьи шкуры, „переял славу" у печенегов и постоял за свою землю.

Герой древнейшего кабардинского эпоса — нарт Сосруко побеждает могучего иныжа — великана, чтобы взять у него огонь. Подобно Прометею, он несет огонь людям, погибающим от холода. „Сосруко развел костер для тех, кто еще оставался в живых". Этот величайший подвиг совершил Сосруко, сын пастуха, „чевяк", „подкидыш", „отродье дрянного пастуха коров", как его называли знатные. И когда зловещий предвозвестник смерти, жан-шарх, при помощи коварства побеждает Сосруко, великий нарт не умирает. Как Прометей, он вечно живет глубоко под землею, чтобы страдать во имя человеческого счастья. Каждый год, весной, слышатся стоны Сосруко:

Жить хочу,
Чтоб врагам отомстить,
Им вырвать глаза ненавистные.
Сравнять на земле все неровное[1].

---

[1] О Сосруко см. „Кабардинский фольклор", „Academia" 1936 г.

17
458493

В таком же свете изображена и героиня древней кабардинской легенды Лашин, жена нарта Шакова. Она для блага народа побеждает могучих калмыцких богатырей-пелуанов, стремившихся поработить нартов[1].

Таковы замечательные грузинские и осетинские народные легенды об Амиране Дареджаниани (или Дареджанис-дзе) богатыре-богоборце, представлявшем, по словам академика Н. Я. Марра, воплощение в кавказской среде кавказского же героя Прометея[2]. Выйдя из морских глубин, Амиран борется с богами — властителями горных кряжей, побеждает волшебных витязей, сражается с огнедышащим драконом.

Таков цикл немецких сказаний о кольце Нибелунгов с замечательным образом Зигфрида, о котором Энгельс писал:

> „Зигфрид — представитель немецкой молодежи... Мы все чувствуем ту же жажду подвига, тот же бунт против традиций“ [3].

Таковы карельские руны о Вейнемейнене, впервые объединенные Элиасом Лённротом в цикл рун „Калевалы“ в 1835 г. Этот замечательный памятник во многом может способствовать уяснению того, какие черты народного героя поднимают его до уровня подлинно эпического образа.

Главный герой „Калевалы“ вещий певец и могучий заклинатель Вейнемейнен (Väinämöinen) все свои подвиги совершает во имя народа. Как только Вейнемейнен родился, он стал размышлять о том, кто сможет помочь ему засеять пустынные земли — каменистые равнины, песчаные поляны, холмы и болота. Он зовет Сампсу Пеллервойнена (Sampsa Pellervoinen), „сына поляны“ (карельск. „pelto“ — поле), крошку

---

[1] См. сб. „Кабардинский фольклор“. „Academia“, 1936 г., стр. 68—69.

[2] „Амран“. Предисловие и ред. академика Н. Я. Марра, „Academia“, 1932 г.

[3] Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 65.

мальчика, великого сеятеля, который по его просьбе прилежно засевает землю семенами деревьев: сосны, ели, березы, ивы (руна 2). Бродя у берегов синего моря, Вейнемейнен находит шесть зернышек; спрятав их в кунью шкурку, вещий старец отправился засеять землю хлебными злаками. Он принялся вырубать леса, чтобы расчистить землю для пашни. Творческой горстью рассыпает он заветное семя из куньей шкурки:

Пусть поднимутся отростки,
Выйдет тысяча колосьев,
Сотня веток разрастется,
Где вспахал я и посеял,
Где я много потрудился.

Он призывает темную тучу пролиться дождем, чтоб зашумели тысячи колосьев — „чтобы взморье богатело, и весь край был полон хлебом" (р. 2).

Мудрый Вейнемейнен дал своему народу чудесную кантеле — гусли, сделанные им из челюсти очарованной щуки. И когда начал играть вековечный заклинатель Вейнемейнен, вся природа пробудилась, чтобы слушать его.

Одним из самых страшных врагов Калевалы и ее народа была отвратительная Лоухи (Louhi), хозяйка холодной Похьёлы (Pohjola), мрачной страны Севера. Она накликала на жителей Калевалы всяческие беды. И мудрый Вейнемейнен, борясь с Лоухи, отважно защищал Калевалу, любимое им отечество.

Так, Лоухи упросила бога Укко, чтобы он ниспослал болезни на народ Калевалы, и Укко заставил злую, слепую бабу Ловиатар (Loviatar), дочь подземного бога Туони, родить в бане у Лоухи девять сыновей, названных по их деяньям: Раной, Колотьем, Ломотой, Сухоткой, Коростой, Водянкой, Чумой, Язвой и Завистью. Злая Лоухи послала всех их в Калевалу, чтобы погиб род Калевы.

И снова Вейнемейнен защищает свой народ: он жарко нагрел огромную баню, накалил в ней камни, принес густолистых свежих веников; он составил девять волшебных мазей, чтоб „отнять у болей муку", и стал лечить народ:

Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Так несчастье прогоняет,
Изгоняет все болезни.
Отвращает скорбь людскую,
Лечит тяжкие недуги
И хранит людей от смерти,
От кончины род Калевы (р. 45).

Злая Лоухи не успокаивается. Она решает истребить народ Калевы и насылает на Калевалу грозного, могучего медведя, чтоб он истребил скот, дворы, пасеки ненавистного ей народа. Вейнемейнен, вооружась волшебным копьем, отправляется на охоту за непрошенным гостем и убивает медведя, чем снова разрушает планы Лоухи и спасает Калевалу (р. 46).

Наконец, Лоухи решается на последнее, самое сильное средство: она похищает солнце и месяц, уносит их к себе в Похьёлу и прячет в недрах недоступного пестрого утеса, а после этого гасит пламя в избах Калевалы, чтобы оставить народ без тепла и света.

Наступает ужасное время.

В такую пору народу нужны герои, которые беззаветно любят свою отчизну и готовы отдать жизнь за счастье народа. Таким великим героем был старый певец Вейнемейнен.

В пору, когда над Калевалой навис холодный мрак ночи, бесстрашный Вейнемейнен ищет искру, упавшую на землю из жилища Укко, высекавшего огонь.

Испытав ряд неудач, Вейнемейнен, обожженный

пламенем, достает, наконец, эту спасительную искру, совершив подвиг Прометея:

Искру огненную взял он
На свой трут, огнем богатый,
На березовую губку,
Положил в котел из меди
И в котле принес ту искру;
Он принес ее в бересте
На мысок, богатый мглою,
На туманный островочек;
Получили пламя избы,
Получили свет жилища (р. 48).

Наконец, во имя своего народа, Вейнемейнен победил злую Лоухи, запрятавшую солнце и месяц в утес; мудрый певец принудил Лоухи выпустить небесные светила. Не меньшее значение имеет и второй герой Калевалы — брат Вейнемейнена, вещий кузнец Илмаринен (Ilmarinen). Он также обладает огромной физической силой и совершает ряд подвигов. В древние времена Илмаринен выковал небесный свод, поэтому для него не составляет особого труда выковать Сампо—чудесную мельницу, которая приносит счастье и благоденствие.

Оптимистическое мироощущение, светлые жизнерадостные воззрения на жизнь и природу, неугасающие чувства любви, радости, веселья отличают собой образ третьего героя Калевалы — юноши-красавца, весельчака и шутника Лемминкейнена (Lemminkäinen), известного в народных рунах и под именем Кауколайнена (Kaukolainen), Ветрикке (Vetrikkä), Вейтикки (Veitikka) и Каукомиэли (Kaukomieli).

Укажем также на ирландские саги [1]. Они особенно интересны для изучения народных стремлений, ибо народ, создавший их, испытал много горя, выдержав в VIII—X веках жестокие набеги норвежских и датских викингов, в XII веке испытав завоевание

[1] См. сб. „Ирландские саги", „Academia", 1929 г.

Ирландии англо-норманнами и, наконец, в XVI веке, будучи окончательно порабощен Англией. И, несмотря на тяжелые исторические условия, ирландский народ все же сумел создать замечательные героические саги, в которых воплотил свои стремления к освобождению и гордый призыв к независимости.

Из древнейшего цикла ирландских эпических произведений (уладский или ульстерский цикл) укажем на цикл героических саг о главном ирландском герое Ку-хулайнде (Cù-Chulaind), или Кухулине [1].

Образ Кухулина — один из самых величественных и прекрасных эпических образов мировой народной поэзии. Это — подлинно народный герой, посвятивший всю свою жизнь горячо любимой родине и умерший за счастье своего народа.

„Он пал, Кухулин, прекрасный столб,
Сильный воин, могучий муж-защитник!
Он восстал, более мощный, чем целое войско...
Его лютая храбрость повергла множество врагов,
Смерть его не была смертью труса"...

До последних лет имя Кухулина популярно в Ирландии, каждый крестьянин знает о подвигах витязя, отдавшего жизнь за благо родной страны. Это образ большой глубины, исключительного благородства. Любовь к родине и защита своего народа были для Кухулина самым высшим в жизни.

Мы считаем необходимым остановиться на эпосе народов, представлявших в царской России меньшинство, народов, угнетавшихся царскими воеводами, наместниками, чиновниками. Это важно для уяснения народных ожиданий великого свободного будущего.

Плохо организованные, экономически отсталые народы Сибири не могли остановить завоевания своих земель русским царизмом; но, усмиренные силой царского оружия, жестоко эксплуатируемые чиновниками и купцами, вымиравшие от

[1] Лучшие саги о Кухулине включены в ирландскую национальную эпопею „Похищение быка из Куальнге".

тяжелых лишений, голода и болезней, маньси и коми, ненцы и хантэйцы создавали героические легенды о своих богатырях, мечтали о приходе избавителей. Одним из таких эпических памятников борьбы угнетенных народов с русским царизмом являются сказания вогульского (маньси) народа о Вазе-богатыре-избавителе маньси [1].

Ваза известен в маньси тернинг-эри (terning-eri — былина) под несколькими именами: Вача, Тагар-отер (Tagar-oter), Виши-отер (Vischi-oter), Ианы-кеныт-янчых (lanû Kenûtanêùh — старик с большой шапкой), Карт-сали-уйа (Kart-sali-uja — Железный волк) и др. По большинству вариантов Ваза — юноша-музыкант, на которого произвели большое впечатление песни старого Куксы о страданиях маньси и о путях к избавлению угнетенного народа от ига русского царизма. Старый Кукса пел о том, что вогулы вымирают, как кхонна (олени), что пустеют их паулы (селения), сиротливо маячат по рекам никчемные хабы (лодки). Это случилось после прихода царских войск.

Возникшая, очевидно, еще в XV веке, в пору прихода царских войск в Сибирь, легенда о мадуре Ваза на протяжении столетий несла в себе лучшие мечты народа маньси, задавленного российским самодержавием, доведенного колонизаторской политикой царизма до голода и нищеты. Никакие пушки и штыки, виселицы и тюрьмы не выбили у маньси мечты о свободе, и эту прекрасную мечту певцы угнетенного народа воплотили в чудесной легенде о юноше-музыканте, который стал мадуром.

Образ мадура Вазы полон силы и уверенности маньси в грядущем освобождении, полон страсти и пафоса беспощадной борьбы с угнетателями, и, конечно, образ Вазы воплощает стремления маньси к свободе, к братству, к радости жизни, к счастью.

Почти аналогичный сюжет мы встречаем в эпосе ненцев (самоедов). В ответ на беспощадную эксплоатацию со стороны царей ненцы создали легенду об

---

[1] См. сб. „Янгал-маа", „Academia", 1933 г.

Итьте-богатыре, который должен освободить свой народ.

Если в эпосе когда-то угнетенных самодержавием народов не всегда встречается мотив борьбы с царизмом, как в terning-eri о мадур Ваза или в легенде об Итьте, то героичность эпических произведений является важнейшей их чертой. Так, например, в хантэйской (остяцкой) легенде об Ине-Хон, несмотря на чисто сказочный ее стиль, героика определяет сюжет и его сущность[1].

Притесняемые русскими колонизаторами, голодающие, безграмотные, вымирающие от нищеты и болезней, замученные хищными князьками и шаманами, хантэйцы не теряют уверенности в своих силах; певцы хантэйского народа складывают песни о богатырях („Их-пары-вель-вель"), создают героические легенды об Ине-Хон и его храбром брате, создают сказки о героях, чьи подвиги несут в себе характер самих хантэйцев, народа, сохранившего в тяжелых исторических условиях свои силы и бодрость.

Иллюстрацией к этому могут служить и бурятские улигеры, в частности улигер „Аламжи Мерген", один из лучших образцов эпоса бурят[2].

Итак, мы можем подвести некоторые итоги. Всему трудящемуся человечеству в его великой борьбе за будущее самыми лучшими представлялись могучие герои, чьи подвиги были направлены на защиту народа.

Трудящееся человечество — русские и ирландцы, грузины и французы, сербы и кабардинцы, маньси и немцы, исландцы и хантэйцы, англичане и ненцы, — мечтали веками о счастливом будущем. Об этой мечте хорошо поют казахи в своей старинной легенде, посвященной певцу Асан-Кайгы[3].

„Асан-Кайгы, — говорит исследователь казахско-

---

[1] См. „Ине-Хон. Хантэйские героические песни и легенды", Свердловск, 1935 г.

[2] См. „Аламжи-Мерген, Бурятский эпос", „Academia", 1936 г.

[3] К. Алтайский, „Акын Джамбул" („Лит. критик"), 1936 г. № 12.

го эпоса, — это мятущийся вечный скиталец. Оседлав одногорбого верблюда, он едет по белу-свету в поисках волшебной страны жер-уюк. Ни ветры, ни стужа, ни бураны, ни грозы не могут остановить смелого мечтателя. Он едет по желтым степям и поет свои песни, в которых слышны то серебряные переливы ручья, то клекот орла. Жер-уюк в представлении Асана-Кайгы — это обетованная страна, страна счастья, цветущая степь, где нет ни горя, ни слез, ни насилия"...

Народы всего мира, складывая легенды и песни о непобедимых богатырях, верили в то, что счастливое время придет, что солнце рассеет мрак...

„В урочный час восстанет Прометей
И будет солнцем в мире возрожденном".

II.

7 ноября (25 октября) 1917 года власть в бывшей российской империи была завоевана народом, победившим под руководством большевистской партии.

„Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства"...[1] восторжествовало.

В своем заключительном слове на III Всероссийском съезде советов В. И. Ленин указал на грандиозные перспективы развития сил свободного народа.

„Теперь мы,— говорил Владимир Ильич,— на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества, создается новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства"[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 2, т. XXII, стр. 3.
[2] Там же, стр. 223.

„У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция"[1].

В героические годы гражданской войны вооруженные народы свободной страны выдвинули легендарных полководцев — Василия Чапаева, Николая Щорса, Сергея Лазо, Григория Котовского, Федора Подтелкова, Михаила Кривошлыкова и других храбрых сынов народа, которые под руководством партии большевиков, под руководством Ленина и Сталина победоносно сражались против царских палачей и иноземных пришельцев — интервентов. Во главе с гениальным стратегом революции Сталиным несокрушимая Красная армия уничтожила врагов.

Исчезло навсегда национальное угнетение, исчезли несправедливость, эксплуатация; исчезли помещики и генералы, банкиры и жандармы; свободные народы великой преображенной страны построили под руководством большевистской партии Ленина — Сталина социалистическое общество.

Расцвел Советский Союз. Преобразились люди. Приобразилась страна. Могучи гордые соколы СССР — железные авиаторы. Могучи наши танки, бронепоезда, наши пушки, наши корабли. Непоколебимой стеной стоят на рубежах родины храбрые советские пограничники. Под мудрым руководством ВКП(б) и великого вождя партии и народов тов. Сталина СССР хранит твердое и грозное спокойствие.

Сталинская Конституция — величайший документ человеческой истории всех времен — показала миру гигантские успехи народов нашей социалистической Родины.

Советский человек — самый счастливый человек на земле.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 2, т. XXII, стр. 376.

В советской стране рождались и рождаются великие песни. Народы СССР создают свой величественный героический эпос — сказания о Ленине и Сталине — солнцах человечества, об их могучих соратниках, о знатных людях нашей страны. И уже пришло время, когда исследователь может сделать первые обобщения о творчестве народа, которое, по словам В. И. Ленина, получило после Великой Октябрьской революции невиданный размах.

Гениальный учитель человечества Ленин получил в творчестве народов Советского Союза чудесное воплощение в образе героя, которого еще не видел мир. Можно было бы указать на тысячи песен и сказаний о Ленине, которые являются началом могучего эпического сказа о невиданном герое, преобразившем мир. Это требует специального исследования. Укажем лишь на замечательный кабардинский эпический сказ о Ленине, имеющий по своей форме особый интерес для нашей темы (об этом — ниже). Впервые этот сказ был сложен старейшим народным певцом Кабарды Б. Пачевым, а потом распространился по Кавказу и был включен в 1936 году в сборник „Кабардинский фольклор", изданный Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом национальной культуры [1]. Приводим этот сказ полностью.

Москвой называлось древнее царство.
Оно держало в страхе народы земли,
Грозой шумело в жерлах пушек,
Остриями шашек долго грозило,
Долго силой и властью владело,
Далеко шагало через пространства.
Но Ленин над Москвой руку простер —
И враги, смутясь, бросились в бегство.
Беззаконники писали народу законы.
Солдаты охраняли склады пищи.
Пши [2] беспощадно терзали невинных.

[1] „Academia", 1936 г.
[2] Пши — князья.

Невежда держал умы на узде.
Уздени[1] защищали свое добро.
Царь и ближние его блистали, как звезды,—
Чванство охраняло порог дворца.
Народ был нищ, как тень на земле,
Влачил свои дни под горьким ярмом.
Усталые головы тяжко склонялись,
Метались в беспокойном сне
На окровавленных подушках.
Землею правил страшный дракон.
Но мудрый родился, храбрый пришел,—
Крепости покорил, путы развязал.
Вы нас лишали молока и хлеба,
Как холеный скот, заплывали жиром.
Неправым хабзе,[2] как стеной, ограждались,
Грабили нищих, пищу иж[3] ели.
Под подушкой у вас ключ от нив и пастбищ.
Источник богатств — в древней неправде.
Кровь на нас — как ржавчина на стали,—
Ржавчиной стала наша кровь,
Уже затупилась сталь о наши сердца.
Железный град выпал в Москве.
Богатырские мосты в лунную ночь
Прошел Ленин на глазах у врагов,
Под грозой пушек, под дулами ружей.
При рождении месяца меркнут звезды,
Умирает ночь при рождении дня.
Царское величье обратилось в тлен.
Третьей долей своей силы — мощи
Ленин сокрушил царя и пши...
... Мир увидел большую битву:
Уздени и пши стали волками и лисицами,
Ищут нор, теряя зубы,
Торопливо спасаются в чужих норах.
Но Ленин — воин неутомимый.
Царские законы он разрушил,

---

[1] Уздени — термин употреблялся вместо кабардинского уорк — благородные.

[2] Хабзе — правила, обычай.

[3] Иж — отборная, особая, лучшая.

Зарыл их в землю, словно падаль.
И ныне они ржавеют там.
Дал вдоволь молока детям нищих.
Пши и узденей лишил довольства,
Сладкую жизнь у них отнял,
Запретил им вновь родиться на свет.
Буря была, но корабль шел вперед,—
Искусным кормчим был наш Ленин.
Берег счастья мы увидели.
Мы увидели землю радости.
В вечность он отошел, как звезда,
Но навсегда след свой оставил.
Никогда не забудем мы Ленина.

Необходимо подчеркнуть детали[1] этой лирико-эпической песни, свидетельствующие о том, что кабардинский народ в процессе создания новых эпических легенд о великом вожде человечества Ленине охотно употребляет традиционные эпические приемы, свойственные старому кабардинскому эпосу. Так, сравнение русского царя с драконом („землею правил страшный дракон") — обычно для старого эпоса: в виде дракона почти всегда изображался заклятый враг народа, с которым боролись богатыри[2]. Слова о том, что могучий Ленин сокрушил царя „третьей долей своей силы-мощи", подчеркивающие могущество Ленина, — также старинный эпический прием, знакомый намкак по кабардинскому фольклору, так и по эпосу других народов, в частности — по былинам об Илье Муромце.

Таким образом, в процессе становления нового советского эпоса мы можем констатировать использование старинных традиционных эпических приемов, свойственных народному творчеству. Это — исторически закономерное явление. Богатство народного творчества, созданного народом на протяжении тысячелетий,— одно из самых дорогих сокровищ куль-

[1] Это отмечено комментаторами песни.

[2] Ср. древне-скандинавские сказания о Беовульфе и Гренделе.

турного наследия прошлого, и использование этого сокровища народными певцами нашей страны идет как раз в плане известных ленинских указаний об освоении культурного наследия.

Иногда в новых записях встречаются еще более яркие примеры бытования старинных эпических приемов даже в их совокупности, определяющей жанровые контуры произведения в целом.

Сошлемся на „Былину о славном партизане красном, могучем богатыре донском Михаиле Васильевиче Кривошлыкове и его рати молодецкой — удали казацкой". Эту былину пел старый казак Нефед Кудеяров на колхозных ярмарках в станице Усть-Лабинской Краснодарского края. Приводим эту былину полностью, ибо она является наиболее красноречивой иллюстрацией того, как советский народ использовал лучшие традиции русского народного героического эпоса:

Зашумела на зорюшке утренней мати-зеленая дубравушка,
Всколыхнулся, взволновался - от могучий тихий Дон Иванович,
Пошатнулся в поднебесьи млад ясмен месяц,
Омрачилися в небе звезды частые...
Не в горах то было высоких, не в лесах то было темных,
Не на синем то было океан-морюшке,—
На земле на казачьей собирался во поход донской богатырь,
Донской богатырь, вольна-вольница.
Именем-отечеством он звался Михаил Васильевич,
По фамилии он прозывался Кривошлыковым.
А и заиграли тут гусли звончатые,
Гусли звончатые, трубы серебряные.
Созывают они во поход рать казацкую,
Рать казацкую, удаль молодецкую.
Да не туча то черная осенняя,
Да не громы то раскаты весенние,—
Из-за Дона-реки выезжают казаки удалые,
Казаки удалые — молодцы развеселые.
Они едут,— под ними кони резвые,
Кони резвые, седельца черкесские,
А на молодцах то бурочки черные,

По бокам то висят сабельки булатные,
На устах то все песни молодецкие.
Окружают тут ясны соколы, донские казаки,
Окружают они Михаила Васильевича,
А он по чистому полюшку похаживает, острой сабелькой
ковыль-травушку порубывает,
Ковыль-травушку порубывает да на разудалых добрых
молодцов поглядывает,
Да и вышел он тут, перед толпой народною,
Да и возговорил он речи громогласные:
— Вы берите-ка, други мои, товарищи, сабли вострые,
Сабли вострые, штыки булатные,
И седлайте-ка вы, други мои, товарищи, вороных коней.
Вы пойдемте-ка, други мои, товарищи,
Вы пойдемте-ка бить лютых недругов,
Лютых недругов, царевых защитников.
Надоела нам, надоскучила злая неволюшка,
Сокрушила нас, братцы, службица военная,
Службица военная, чужая дальняя сторонушка.
Не пора ли нам, други, умом-разумом поразмыслити,
Отряхнуть с себя ржавые оковы
Да развеять округ себя темь непроглядную?..
Ответ держат ему донцы разудалые:
— Гой ты, свет наш, богатырь Михаил Васильевич,
Мы пойдем за тобой, за отцом родным,
Мы возьмем в свои руки сабли вострые,
Сабли вострые, штыки булатные,
Да и сядем мы на своих вороных коней
И разгоним мы всю свору белую,
Свору белую, свору поганую.
Мы очистим от них землю казацкую.
И пошел тут по Задонью сильный богатырь Михаил Васильевич,
И повел он за собой удаль молодецкую.
Не пожары то в бурю разыгралися,—
Флаги красные в руках у молодцов развевалися,
Из-за леса темного, из-за Дона синего
Выплывало на небо солнышко весеннее,
Да и разрумянило оно лица молодецкие,
Да и развеселило оно сердца казацкие.
С цветов лазоревых роса утренняя отряхнулася,

По долинушкам туманы белы порастаяли,
Под копытами резвыми конскими зеленая травушка к земле приклонилася,
Да и полетели тут соколы во поле чистое...
Ай растет-разрастается войско Кривошлыкова.
Идут-стекаются в него казаки-станишники
Со своими конями, со своими шашками...
По-переди идет богатырь Михаил Васильевич,
Позади-то идут казаки разудалые.
А и блестят у молодцов пики закаленные,
А и звенят у молодцов клинки отточенные.
А и затянул тут Кривошлыков песню молодецкую,
А и подхватили ее молодцы громом-голосом:

„Ой вы, други мои,
Казаки-друзья!
Нам ли жить в беде,
В кандалах ходить.
Да не быть тому —
Умереть в бою.
За свободу мы
На врага идем.
Ой ты, конь, ты, мой конь,
Вороной скакун!
Не уйдет от нас
Атаман лихой.
Ты лети стрелой —
Впереди враги,
У меня в руках
Шашка вострая.
Ай ты, Дон-река,
Ай, ковыль-трава!
Напои, накорми
Вороных коней.
Ой вы, молодцы!
Впереди враги —
На-голо клинки
Будем бить-рубить".

То не буря-ураган разразилася середь дубравы темной,—
Посвист молодцов отряхнул с дубов листву зеленую.

Призамолкли тут все птицы перелетные,
Призатихли тут все звери хищные...
А и ходит себе Михаил Васильевич с удалью молодецкой,
Ходит он по станицам да по широким проезжим дорогам,
Да и бьет он, колотит офицерье распроклятое;
Еще больше он бьет атаманов с купцами черноморскими,
Больше того он бьет царевых защитников — свору белую,
свору распроклятую.
А и поймали враги-разбойники героя Кривошлыкова,
Заковали они его в цепи — кандалы железные,
Привязали к дубу старому, дубу высокому,
Да и стали пытати-выспрашивать:
— Да откуда это явился разбойник такой,
Да и что это разбойник беду-горе натворил.
Вот насмеемся мы над тобою, разбойник, насмешкою хитрою,
Насмешкою хитрою, насмешкою премудрою.
Уж мы угостим тебя, казачий богатырь, волей-правдою.
Правда тебе будет перекладина,
Воля тебе будет мать-сыра земля...
А и возговорил тут Кривошлыков речь ответную:
— Вы стреляйте меня, рубите, вешайте,
Умираю я смертью непорочною:
Я за правду боролся, за истину,
За свободу, за землю народную;
Шел я супротив кровожадных помещиков,
Атаманов — зверей, царя бессердечного...
Вам не долго атаманить на народной земле:
Мои соколы-казаки за меня отплат дадут,
Они порубят с плеч долой ваши головы бесталанные.
А и надели тут палачи атаманские,
Надели на шею Кривошлыкову петлю просмоленную,
Да и вздернули его на перекладину дубовую.
Разразилось тут громом-молнией небо синее,
Скрыло солнце оно тучей непроглядною,
И пошли кривошлыковцы бить-рубить свору атаманскую,
Свору атаманскую, царевых приспешников.
А и зазвенели тут сабли булатные,
Сабли булатные, пики закаленные.
Взбушевало тут море Черное, море Азовское
И глотало оно полки несметные, полки белогвардейские...

О многих героях советской страны сложены прекрасные песни, легенды, сказания. Народ запечатлел навсегда в своих творениях легендарных полководцев могущественной Красной армии, смелых соколов-пилотов, знатных людей нашей Родины.

Но наиболее звонко, наиболее тепло звучат замечательные песни о том, кто, подобно величайшему и сильнейшему богатырю всех времен и народов, принес человечеству счастье,— песни о Сталине.

Сталин — величайший человек на земле, любимый вождь народов. Он верный и непоколебимый друг и соратник Ленина. Ему великий Ленин завещал героическое дело борьбы, Сталин дал клятву выполнить и выполнил ленинский завет.

Этой теме — Ленин и Сталин — посвящено неисчислимое множество песен. Приведем несколько примеров.

Величественна и вместе с тем трогательна украинская песня о Ленине и Сталине, записанная в Киеве со слов Петра Зайца, рабочего корпусного цеха киевского завода „Ленинская кузница".

Стоіть дуб зелений,
Шумить він гіллями,
Ой там два соколи
Стиха размовляли.
А тих соколоньків
Та всі добре знають:
Перший сокіл— Ленін,
Другий сокіл — Сталін.
Перший сокіл — Ленін,
Другий сокіл — Сталін.
А навколо них же
Звились соколята.
Першому соколу
Пришлось помирати
Та й до свого друга
Він став промовляти:
— „Соколе мій сизий,
Мені вже не жити,—

Тобі доручаю
Справу завершити!"
Другий соколонько
До нього промовив:
— „Клянемось тобі ми,—
Не звернем з дороги".
І теперь вся молодь
Весело співае
Про сокола Сталіна
Та пісні складае[1].

Любопытной особенностью этой песни также является то, что и здесь мы встречаемся с фактом использования народным певцом традиционного символа силы и смелости, символа, твердо установившегося в эпосе многих народов. Сравнение богатыря с гордым, могучим соколом (или орлом) очень часто встречается в старых русских былинах; в былине об Алеше Поповиче:

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные соколы вылетывали,
Выезжали два могучие богатыря...[2]

в былине о Михайле Казаринове:

Как из далеча было из Галичья,
Из Волынца города из Галичья,
Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача добрый молодец...

в былине о Дюке Степановиче:

Из-за моря, моря синего,
Из славна Волынца, красна Галичья,
Из тоя Карелы богатыя
Как ясен сокол вон вылетывал,

[1] „Вісті" ЦИК УССР от 21-I—1937 г.
[2] Эта цитата (и ниже) по сб. „Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым".

Как бы белой кречет вон выпархивал,—
Выезжал удача добрый молодец...

в былине о Волхе Всеславьевиче:

В та поры поучился Волх ко премудростям.
А и первой премудрости учился —
Обертываться ясным соколом...

Можно было бы сослаться на тысячи примеров сравнения богатыря-героя с соколом и орлом в фольклоре народов Кавказа, в якутских, киргизских и казахских сказках, в русских, украинских, белорусских и галицких песнях („орел сизокрылый", „сокол ясный", „белый кречет" и т. п.). Алексей Максимович Горький, исключительный знаток народного творчества, создал чудесную „Песню о соколе", „в которой воплощены народные воззрения на „храбрую птицу—ясного сокола". Наконец, тов. И. В. Сталин в своих воспоминаниях о Ленине поэтически сравнивает Владимира Ильича с орлом: „Ленин — горный орел нашей партии".

Таким образом, сравнивая Ленина и Сталина с соколами, украинские рабочие, авторы песни „Стоіть дуб зелений", следуют замечательным народным эпическим традициям.

Теме великой дружбы двух величайших гигантов человечества посвящено известное песенное обращение дагестанского народного певца—орденоносца Сулеймана Стальского к тов. Сталину на совещании передовиков животноводства с руководителями партии и правительства в феврале 1936 г. [1].

Был Ленин первым, кто повел,
Кто вражьи гнезда в прах размел.
Кто над землею, как орел,
Поднялся, став за бедных.
Рабочих всех объединив,

[1] См. ЦО „Правда" от 19-II — 1936 г.

Царя-злодея низложив,
Ушел он, дело поручив
Тебе, великий Сталин...
Железным ломом горы зла
Тобой разрушены до-тла.
Заря над родиной взошла,
Вселенной зодчий — Сталин.

Ты данный Лениным завет
Хранишь, держа в руках, как свет.
Спасаешь люд от черных бед,
Мир озаряя,— Сталин.

Твой всюду слышен мудрый зов,
Он в бой ведет большевиков,
Взрывая старый мир оков,
Всегда победный — Сталин.

Ты днем и ночью у руля,
Тебе послушна вся земля.
Прав Сулейман, так говоря:
Создатель счастья — Сталин.

Казахский акын Джамбул в поэме „Моя родина" говорит о том, как „с именем Ленина бились сердца" — „с именем Сталина радость пришла". Грузинский сказитель Гулисашвили также подчеркивает великую дружбу Ленина и Сталина:

Каждый миг тебя мы помним.
Дорогой отец наш Ленин.
Ты разбил оковы рабства,
Ты нам дал освобожденье.
Мощный колокол свободы
Оживил, привел в движенье,
И, буржуев уничтожив,
Дал ты счастье поколеньям.
Всколыхнулись горы, долы,
Где твое взметнулось знамя.
Ты повел нас к лучшей доле
Величавыми рядами.

Как хорош родной наш Сталин!
Сердце в нем твое трепещет,
В нем горит одно стремленье:
Пусть страна цветет и блещет [1].

Горные шорцы поют о великом слове Ленина, которое живет в советской стране, поют о верном друге Ленина—Сталине:

Если товарищ Ленин и умер,
Имя и слава его остались;
Чтобы дальше бороться,
Ленина верная партия осталась.
Если товарищ Ленин и умер,
Великое слово его осталось;
Чтобы дальше побеждать,
Сталин, верный товарищ Ленина,
Остался [2].

Украинские колхозники Черниговской области поют о том, как перед кончиной Ленин оставил завет — слушать его друга и соратника Сталина:

Як умирав проводир —
Лишив партії наказ:
Робіть все як Сталін скаже—
Не поборе ніхто нас.
Виконуем, рідний Ленін,
Твої заповіти.
Слова твої правдиві
Гримлять по всім світі.
Сталін все тепер зробив
Так, як Ленін говорив [3].

Далее песня черниговских колхозников рисует свободную жизнь народа, освобожденного партией

[1] Сб. „Грузинские стихи и песни о Сталине". Тбилиси, 1937 г., стр. 149.
[2] Сб. „Стихи и песни о Сталине", изд. Журн.-газ. объед.
[3] См. статью „Ленин и Сталин в народном творчестве Украины" („Лит. критик", 1937 г., № 3).

Ленина — Сталина от гнета помещиков, кулаков, от попов и урядников, от всего того, что сковывало народ до революции.

Таджикский бахши (народный певец) из Оби-Гарма в „Песне о Сталине" указывает на то, как задолго до Великой Октябрьской революции Ленин и Сталин „готовились переделывать мир" [1]:

Родился он в бедной семье
И рос так же, как все дети растут.
Но уж с ранних лет он стал выделяться,
Сталин — наш великий вождь.
Счастлива земля и его город,
Счастливы в веках отец и мать,
У кого воспитание свое получил
Сталин — наш великий вождь.
С юных лет он много испытал,
Видел годами пытки, тюрьму и голод,
Но ничто его не сломило, и он все крепчал,
Сталин — наш великий вождь.
Вместе с другим мудрым стариком
Он готовился в подземельях переделывать мир.
Вдвоем они работали, не разгибая спин,
Ленин и Сталин — наши великие вожди.
Про него не знал тогда никто,
Его имя находилось под запретом,
За его имя сажали в тюрьму и убивали,
За Сталина — нашего великого вождя.
И когда пришел незабываемый в веках Октябрь,
Вместе с мудрым Лениным он поднял
красное знамя
И сказал: „Вся власть трудовому народу",
Сталин — наш великий вождь.
За ним пошли все, кто был в неволе:
Дехкане, которым трудно доставался хлеб,
Рабочие, которые пухли от голода,—
Все пошли за Сталиным — нашим великим вождем.
Трудная и кровавая была борьба,

[1] См. сб. „Стихи и песни о Сталине".

Против нас поднялись все наши враги:
Царь, эмир, баи, муллы,
Но всех победил Сталин — наш великий вождь.
Чтобы отдать все богатства трудовому народу,
Он собрал вокруг себя мудрых советников,
Но больше всех советовался с храбрым из
храбрых — Ворошиловым.
Сталин — наш великий вождь.
Ворошилов — военачальник красных бойцов.
Он тоже вышел из трудового народа,
И ему всех больше доверял
Сталин — наш великий вождь.
Клевета, обман и несправедливость
Убежали от него, как от огня;
Вместо них он провозгласил честный труд,
доблесть и геройство,
Сталин — наш великий вождь.
На нашей земле родился новый человек—
ударник,
Им может всякий быть, кто трудится,
И каждому ударнику он дает совет и
принимает к себе,
Сталин — наш великий вождь.
У нас проложены новые дороги через горы,
Стали летать сотни аэропланов,
На полях стали работать трактора,
И это сделал Сталин — наш великий вождь.
У нас стали дымить фабричные трубы,
Засверкала вода на Вахше по-новому,
По рекам стал ходить пароход,
Которому имя — Сталин — наш великий вождь.
Все наши жители работают дружно,
И молодые, и средние, и старики,
И у нас в умах пример величавый один —
Сталин — наш великий вождь.

Самым высоким, самым теплым и волнующим доказательством любви народа к своему герою издавна было сравнение его с солнцем. Во всех эпических произведениях народов мира исследователь находит

это сравнение; оно настолько общеизвестно и популярно, что мы позволяем себе не приводить примеров, которые могут быть собраны тысячами: народы всегда сравнивали с солнцем своих лучших богатырей. Солнце веками было самым высоким критерием величия народного героя.

В народных песнях о Сталине сравнение его с солнцем наиболее распространено. Певцы охотнее всего сравнивают любимого вождя народов Сталина с солнцем.

Об этом поет народный поэт Узбекистана Сафо Мугами в сложенной им песне о Сталинской Конституции:

Привет тебе, мудрый кормчий труда,
Солнце нашего счастья — Сталин![1]

Джамбул Джабаев в „Песне о Сталине", опубликованной недавно в журнале „Красная новь", очень художественно, исключительно талантливо выразил отношение современных народных певцов к излюбленному старинному сравнению героя с солнцем:

Я ходил по степям, я бродил между скал,
Загорелый, обветренный и седой.
Девяносто лет я солнца искал,
И солнце предстало передо мной.
Сталин, солнце весеннее — это ты!
Ты посмотришь, — и, словно от теплых лучей,
Колосятся поля, расцветают цветы,
Сердце бьется сильнее и кровь горячей.
Дважды юности в теле цвести не дано —
Я старик, у меня серебро в бороде,
Но увидеть тебя я мечтал так давно,
Что, увидев, я сразу помолодел.
Снова юность, как чудом, Джамбулу дана,
Будто кровь, как кумыс, забурлила, звеня.
Будто снова моя разогнулась спина.
Будто белые зубы растут у меня.
Молодой — в свои девяносто лет,

[1] См. газ. „Труд" от 24/XI—1936 г., № 270.

Жизнь прожив, как самый последний кедей,
Я принес тебе, Сталин, народа привет
И любовь возрожденных тобою людей.
Что мы знали? Тоску, нищету и мрак.
Что мы видели? Цепи, камчу и штык.
Богатеи держали нас хуже собак.
В темноте угасал наш подавленный крик.
Но, как солнце, взойдя, разгоняет мрак,
Ты пришел — и народы тобой спасены.
И сковали мы герб, и подняли мы флаг
Самой светлой и самой счастливой страны.
Сталин — солнце! Гори, не сгорая, в Кремле!
Мы несем тебе песни, сердца и цветы!
Нет на всей неоглядной планете — Земле
Человека нужнее народу, чем ты![1]

В „Письме трудящихся Киргизстана“ „кузнец счастья“ Сталин сравнивается с солнцем, которое он, „творец величайших дел“, затмил своим светом.

Несколько лет тому назад собиратели записали очень интересную песню в глухом дагестанском ауле Кая. Женщины-горянки, исполнявшие эту песню, ввели в нее чрезвычайно поэтическое развернутое сравнение образа любимого вождя с солнцем:

Гора над долиной
Стоит высоко;
А небо стоит
Над горой высоко.
Но, Сталин, ты выше
Высоких небес,
И выше тебя
Только мысли твои.
Созвездий и месяца
Солнце светлей,
Но, Сталин, твой разум
И солнца светлей.
Лучистое солнце
Сияет лишь днем,

[1] „Красная новь“, 1937 г., кн. 3, пер. К. Алтайского.

А разум твой светлый —
И ночью и днем.
Всех крепче металлов
Упругая сталь,
Но, Сталин, ты крепче,
Чем всякая сталь.
И вот потому, что
Ты выше небес,
Тебя почитают
В высоких горах.
И мыслям другим,
Кроме мыслей твоих,
Не внемлют народы
В высоких горах.
Когда твои речи
Доходят до нас,
Орлиным становится
Взор у людей.
И если кто слово
Услышал твое,
Навеки запомнит
Он слово твое.
Однажды постигший,
Чему ты учил,
Ни разу не будет
В боях побежден.
И души отдать
За ученье твое
Готовы народы
В высоких горах.
Идут за тобою
Миллионы людей,
Идут, потому что
Твой правилен путь.
И тот, кто однажды
Пошел за тобой,
Скорее умрет,
Чем покинет твой путь.[1]

---

[1] См. сб. „Стихи и песни о Сталине".

Кабардинские народные певцы, сложившие песню о Сталине, сравнение с солнцем дают как своеобразно повторяющийся в строфах зачин:

Сталин — наше солнце золотое!
Слыша „Сталин", враг трепещет.
Исполин — гроза врагов, —
С сердцем бойца неизменным,
Ты мчишься на буланом коне,
Полет звезды искрометной,
Стремительный бег хуаре!
Растоптано вражье войско,
Сняты с коней генералы,
Смешаны с прахом-землею.
Свет озарил нашу жизнь.
Жизнь мы радостно строим,
Сталин — наше солнце золотое!
Черный змей нас терзал, —
Ты убил его в междуморье,
Свет озарил нашу жизнь,
Счастье и радость с нами,
Сталин — наше солнце золотое!
Боевым убранством сверкает
В солнечный день Ворошилов.
Сталин — наше солнце золотое!
Муж из мужей — герой Буденный
Конников отважно ведет.
В боях носил он кольчугу, —
Сам Сталин его снарядил,
Сталин — наше солнце золотое!
Много трудов — забот положил
Для нас друг Кабарды — Серго.
Сейчас железо, уголь, сталь
Нам дает твой друг Серго,
Сталин — наше солнце золотое!
Ты водитель народов,
Послал нам за честный труд
Дар драгоценный — орден.
Не забудем того никогда,
Сталин — наше солнце золотое!

Под стягом Ленина — миллионы.
Ярко блещет над ними
Сталин — наше солнце золотое![1]

Тысячи титанических дел совершают народы великой страны: сквозь недоступные снежные хребты гор прокладываются шоссейные дороги, чудесными каналами соединяются реки, безводные пустыни становятся цветущими садами... Гордые соколы советской страны завоевали холодную Арктику, поднялись выше всех в мире и полетели дальше всех. Знаменитая челюскинская эпопея осталась в памяти народа навсегда.

Старая русская сказительница Марфа Семеновна Крюкова сложила, исключительно художественно использовав богатства русского народного эпоса, былину о советских соколах, солнцем и вдохновителем которых является великий Сталин.

Снаряжал-то Сталин черненый большой кàрабель,
Большой кàрабель, славный ледоход.
Садил-то на него ученых людей, людей мудрых,
Говорил-то им таковы речи:
„Уж вы, добрые молодцы, ученые да премудрые,
Вы пройдите все море ледовитое,
Дойдите до самого моря дальнего,
Проверьте все моря как следует!
Вы откройте путь-дорожечку прямоежжую,
Проглядите там, как пройти туда,
Чтоб переезд-переход был-то скорый
В ту сторонушку дальневосточную
К самому-то богáтырю ко Блюхеру!".

Созданная на основе грандиозных исторических побед трудящихся СССР Великая Сталинская Конституция воспевается народными певцами как величайший документ всечеловеческого счастья. Укажем на прекрасную песню „Великий сталинский закон", сложенную казахским акыном Джамбулом:

---

[1] „Кабардинский фольклор", 555—556.

Песнь моя, ты лети по аулам.
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,
От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.
Законы аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.
По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали,
По этим законам аулы редели.
По этим законам баи жирели
И крепко на народе сидели.
По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.
Песнь моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Маленький след дорогу рождает.
Море из родника вырастает.
Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.
От жизни счастливой рождаются дети —
Самые радостные на свете,
За ними в колхозе рождаются песни.
Всех песен красивей, всех песен чудесней.
Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Слушайте, Кастек, Каскелен, Каракол,
Я славлю великий советский закон,
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа,
Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта.
Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш,
Закон, по которому едут учиться

Дети аульные в школы столицы.
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.
Пойте, акыны, пусть песни польются,
Пойте о Сталинской Конституции.
С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,
С песней о родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей.
Заботой согрел миллионы сердец
Сталин — мудрейший, любимый отец![1]

Об этом же поет народный поэт Узбекистана Сафа Мугами, прославляя „свободный закон страны, провозглашенный вождя устами".

Особое место следует отвести знаменитым поэтическим обращениям народов СССР к тов. И. В. Сталину.

Это — произведения, которые выходят далеко за рамки литературного творчества отдельных поэтов. Как известно, создание поэтических обращений было поручено поэтам народами нашей страны; это — воля трудящихся Советского Союза. Уже только поэтому мы никак не можем вместить указанные обращения в рамки обычных поэтических посланий; но мало того: все эти обращения проверялись, корректировались, утверждались и подписывались сотнями тысяч представителей, выбранных многомиллионным советским народом. Факты в истории мировой литературы небывалые! Жанры, которые никак не вмещаются в традиционные учебники по теории литературы! И, разумеется, мы впали бы в глубокую ошибку, если бы, руководствуясь старыми теоретико-литературными нормами, квалифицировали поэтические обращения народов СССР к Сталину как результат индивидуального творчества пятидесяти—шестидесяти поэтов, объединивших свои стихи в тексте обращений. Кроме того: мы не можем на-

[1] „Правда" от 15/VI—1936 г.

звать эти обращения и коллективным творчеством группы поэтов, ибо этот термин неизмеримо уже явления, которое мы видим перед собой.

Участвовал ли народ в создании обращений? Да, они писались по поручению народа, они проверялись, исправлялись, утверждались и подписывались народом. Следовательно, мы можем утверждать, что народ участвовал творчески в создании поэтических обращений к своему любимому вождю.

Если принять во внимание стилевые особенности поэтических обращений, то можно притти к заключению, что характеристическими чертами здесь являются черты фольклорные (на этом мы остановимся ниже), свидетельствующие о том, что поэты, создавшие по воле народа тексты обращений, щедро использовали в них опять-таки устное творчество народных певцов.

Поэтому мы включаем этот небывалый в истории человечества поэтический жанр в число народных произведений о Сталине, ибо еще ни разу, ни в одной стране не было ничего подобного. Сотни тысяч людей, обсуждая и исправляя одно произведение, адресуют его своему вождю; сотни тысяч людей — представителей многомиллионного народа — творчески участвуют в создании одного произведения, указывая пути поэтам, которым народ поручил написать это произведение; народ предоставляет поэтам все богатства своего устного поэтического творчества, чтобы сложить лучшую песню о том, кто для народа дороже всего на свете, — эти факты — нечто незнакомое исследователям, новое и удивляющее.

Эти обращения многообразны по форме, по стилю. Иначе и не может быть: здесь невозможно предъявлять требований, которые механически уравнивали бы исторические события, связанные с развитием многочисленных народов СССР, выдерживали бы в одном тоне поэтический показ этих событий и стирали бы национальную специфику фольклора народов нашей страны при его общем социалистическом содержании.

Мрачной картиной, изображающей прошлое героического грузинского народа, открывается „Письмо трудящихся Советской Грузии вождю народов великому Сталину".[1] Жизнь грузинского народа, страдавшего на протяжении многих веков от тиранов своей земли и чуждых пришельцев — завоевателей, изображается в поэтическом сравнении с ночью:

Тьма застилала наше небо, и жизнь была мрачнее ночи.
Лишь меч врага неутомимый сверкал нам в горестные очи...

Историческое прошлое Грузии — походы Александра Македонского, опустошавшего цветущую страну, римские легионы Помпея, дошедшие до Грузии, турецкое владычество, наконец, долгие годы порабощения Грузии российской империей, — эта действительно мрачная ночь все же не убила духа борьбы в вольнолюбивом народе:

Но устоял народ отважный, врагом теснимый и гонимый:
Имел он сердце из железа и силы был несокрушимой.
Народ, для рабства не рожденный, томился в муках небывалых...
Лишь ранен был орел могучий, гнездившийся в отвесных скалах.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила Грузию. Расцвела великолепная страна. С заслуженной гордостью говорят трудящиеся орденоносной Грузии о своих достижениях. Непобедимая партия Ленина—Сталина в своей героической борьбе с врагами народа—с белогвардейцами, меньшевиками, троцкистами, воспитала тысячи новых людей. Они, эти верные сыны советского народа, преобразили Грузию.

И растут большие люди, урожайные герои,
Их отвагой и размахом жизнь невиданную строим.
Батраки, чабаны, слуги ныне стали мастерами,
И идет о них сказанье за Кавказскими горами.

[1] См. ЦО „Правда" от 25/II—1936 г., № 55 (6661).

В отличие от старых эпических песен и легенд, зачастую изображавших вымышленных, легендарных героев, новые эпические полотна во весь рост показывают живых, настоящих людей — героев, чьи подвиги так похожи на легенду, чьи достижения напоминают чудесные дела Гайаваты. Шахтер Георгадзе, рабочие Джанвердашвили и Джагаев, тракторист Арсен Мохева, комбайнер Арчил Гудушаури, профессора, поэты, девушки-работницы — целая армия героев сталинской выучки — организуют социалистическое благосостояние Грузии. Они изменяют лицо природы, преображают географию своей родины. Укажем на замечательные строки о преображении легендарной Колхиды:

С давних пор в колхидской тине вяз измученный народ,
Людям не было спасенья от губительных болот.
И жилища и деревья мокрой плесенью цвели.
Колхидстрой, взорвав болота, исцелил недуг земли.
Комаров звенящих тучи победив и разметав,
Выжгли мы леса гнилые и гнездо болотных трав.
Нам губящей малярии не страшна теперь коса,
Озаряют мандарины дождевые небеса.

В совершенно новых, весенних, солнечных тонах предстает перед читателем обновленная природа, которой гордятся трудящиеся счастливой Грузии. Черная ночь рабства и зависимости ушла навсегда. Невиданные герои-большевики завоевали день и солнце. И гостеприимные хозяева Грузии открывают свою цветущую здравницу всем народам мира:

Много солнца в нашем крае, много в нашем крае гор,
Гор лесистых, облаченных в белоснежный свой убор.
И озер у нас немало, и ручьев меж грозных скал,
Где с мгновенным мощным гулом низвергается обвал.
И у наших побережий ласков моря тихий шум,
И с Гульрипшем красотою спорят Гагры и Сухум.
Гудаути блещут светом, чуден воздух Кобулет,
На деревьях Цихис-Дзири и зимой зеленый цвет.

Финальные строфы „Письма“ посвящены тому, кто вместе с гениальным Лениным выковал большевистскую партию, кто повел народы мира в борьбу за счастье всего человечества, — великому Сталину, герою, под чьим руководством преобразилась Грузия, кто, сосредоточив в своем сердце железную волю большевиков, открыл своей чудесной родине солнце:

Величайший из героев, вождь, не знавший пораженья,
Вместе с Лениным спаял ты нас в оплот освобожденья,
Счастье выковал народам, дал нам новое рожденье,
Сталин — символ нашей мощи, Сталин — жизни пробужденье,
Наш родной! За нас ты отдал юность с тяжкими годами,
Твой посев теперь сверкает золотистыми плодами,
Ты хранишь стальною силой святость ленинских заветов,
Ты — творец счастливой жизни для республики Советов.
В праздник наш — тебе все мысли и народа ликованье,
Да живет великий Сталин, угнетенных упованье!
По земле гудит грузинской, в гуле фабрик и заводов:
Да живет на радость мира вождь великий, друг народов!

Руководитель грузинских большевиков тов. Лаврентий Берия уделил, как известно, значительную часть своего доклада на X съезде КП(б) Грузии литературе. Остановив внимание съезда на достижениях грузинской литературы, т. Берия специально отметил многочисленные произведения, посвященные гениальному вождю народов тов. И. В. Сталину:

“ В первую очередь необходимо отметить произведения, посвященные великому Сталину. Образ вождя, как символ всех наших побед (подч. мною.— В. З.), воспевают наши поэты. Лучшие песни и стихи собраны в недавно вышедшей книге — „Грузинские стихи и песни о Сталине“ [1].

„Достижением грузинской поэзии,— говорил тов. Берия,— безусловно, является стихотворно изложенное грузинскими писателями „Письмо трудящихся

[1] „Литературная газета“ от 5/VI—1937 г., № 30 (666).

Грузии вождю народов великому Сталину к пятнадцатилетию Советской Грузии"[1].

Успех грузинских поэтов — авторов „Письма" объясняется прежде всего тем, что они сумели воплотить в поэтическом тексте волю всего народа, обратились к народному творчеству, сохранив ярчайшие особенности фольклорных жанров.

Трудящиеся Дагестана, приславшие еще в июне 1935 г.[2] свой могучий баркалла (благодарность) тов. Сталину в прозе, стиль которой поднимается до художественно-эпической красоты народного творчества, говорили о значении и силе всенародного вождя:

„Могучая родина наша! Береги, окружай великой сыновней любовью на радость друзьям, на бессильную злобу врага того, кто, подобно холму на ровной долине, возвышается над всем человечеством. Если песни наших ашугов могут усладить твой слух,— возьми их. Если скульптуры и картины наших художников могут порадовать твой взор,— прими их. Если жизни наши потребуются тебе для защиты родины,— возьми их"...

Сотни тысяч трудящихся Дагестана вспомнили в своем баркалла те „длинные, черные годы", когда царские сатрапы, купцы, дагестанские беки и ханы обрекали народ на голодную смерть в страшных каменных мешках неприступных гор; те годы, когда волчья стая золотопогонных деникинцев сеяла в Дагестане смерть и разрушение, когда отряды английских и турецких интервентов, в согласии с озверевшими дагестанскими феодалами, хотели навсегда заковать вольный народ гор в цепи.

„Громовые раскаты великого Октября дивной песней отозвались в сердцах дагестанской бедноты",— писал народ раскрепощенного, свободного социалистического Дагестана тому, кто вместе с Лениным повел человечество к счастью и солнцу.

---

[1] „Литературная газета" от 5/VI—1937 г., № 30 (666).
[2] ЦО „Правда" от 24/VI—1935 г., № 172 (6418).

„Кузнец откладывает в сторону молот, работница-горянка — ткацкий станок, землекоп — кирку, колхозник — плуг, чабан — ярлыгу, чтобы, взяв в мозолистые руки карандаш, поставить свой знак под этими словами любви и привета"...

В дагестанском ауле Ашага-Сталь живет „Гомер XX века", как его назвал Алексей Максимович Горький, — старый и мудрый народный ашуг Дагестана Сулейман Стальский, чья долгая, многотрудная жизнь продиктовала ему сотни чудесных песен и расцвела в победном Октябре. Мудрый ашуг Сулейман Стальский, народный певец, в феврале 1936 года произнес свою прекрасную поэтическую речь на совещании передовиков животноводства с руководителями партии и правительства.[1]

В своем выступлении Сулейман Стальский, в чьем голосе слышался голос могущественных народов СССР, лирически раскрыл ту огромную, всепоглощающую радость, то волнующе-глубокое ощущение счастья нашей солнечной жизни, которые не испытывались еще никогда ни одним народом мира и которые действительно заставляют творить не только поэта-профессионала, не только ашуга, но всех.

„Товарищи, я сравню нашу родину с крепостью, которая высится во вселенной, как новая звезда. Я уверен, что ею любуются со всех планет, ибо только нам шлет свои прекрасные лучи солнце и только для нас приходят весны на землю. В этой великой крепости много отважных, много бесстрашных и мудрых богатырей. В ней много молодости, и великие радостные заботы постоянно заполняют ее просторы. И самый главный мастер, любимый и владеющий думами всех трудящихся, тот, кто днем и ночью, неутомимый, прозорливый и могучий, воздвигает эту крепость — радостную жизнь, — Сталин, учит нас, поднимает и вручает в руки ключи от нового счастья".

---

[1] ЦО „Правда" от 19/II—1936 г., № 49 (6655).

Этот же мудрый ашуг из дагестанского аула Ашаг-Сталь рассказал в Кремле о тех думах, которые у каждого из нас звучат, как песня, о думах многомиллионного народа нашей родины, о тех думах, которые заставляют биться в радостном волнении каждое сердце человека советской страны, — думах о величайшем из людей — нашем Сталине. Кто из нас не ощущает волнения и всеобъемлющей радости при одной мысли, что он когда-нибудь увидит того, в чьем сердце бьются сотни миллионов сердец? Кто из нас не понимает и не переживает тех радостных минут, когда старый ашуг мог обратиться к Сталину!

„Мудрейший Сталин! Я никогда не думал, что на свете возможна такая великая радость. Я не думал увидеть тебя воочию и считал это мечтой недоступной, далекой, которая иногда скрашивала мою бессонницу, как скрашивает хорошая песня. Моя страна, моя родина и ты, светоч мира, самый близкий и самый доверенный наш, мудрейший человек на земле! Разве было прежде так просторно, разве было такое свежее, ослепительное небо и такая теплота человеческих рук, человеческих лиц?!

Я счастлив! У меня нет слов, чтобы выразить это, потому что язык наш беден и потому, что и для такого небывалого чувства нужно и новое и небывалое слово!“

Сколько желаний в сердцах людей нашей страны увидеть Сталина! Старый дербентский лудильщик Муртузали, не поэт и не ашуг, становится ашугом, когда думает о Сталине и создает песню:

Реки стремятся к морю,
Железо стремится к магниту,
Травы стремятся к солнцу,
Птицы стремятся на юг.
А люди стремятся к счастью,
Они стремятся к правде.
Сердца их стремятся к дружбе,
Мысли стремятся к тебе.

Ласточкой быть желал бы,
Ласточкой быстрокрылой,
Легкой и стройной телом,
Чтоб побывать в Кремле,
Чтобы хоть раз увидеть,
Как улыбнется Сталин,
Слушая речи новых,
Созданных им людей.
Листья трепещут в рощах,
Звезды трепещут в небе,
Волны в ручьях трепещут,
Когда встает заря,
Так у людей трепещут
Руки в аплодисментах,
Когда они в меджлисе
Слышат имя твое[1].

В старые времена, ставшие сейчас безвозвратным прошлым, народы сложили множество песен о горе, о нужде, о суровой доле, которую нельзя умилостивить:[2] „Потопàе моя доля край синего моря“,— пели когда-то украинцы. И вставал в народных песнях, сказках и легендах эпический образ Горя, страшной Доли, преследующей бедняков до могилы. И сербское „злочест“ и немецкое „das Unglück“ и славянское „лихо“— народные вариации одного и того же образа.

В 1856 году, изучая погодинские бумаги, А. И. Пыпин обнаружил текст замечательной „Повести о Горе-Злочастьи“ (XVII в.), в которой Горе под пером народного певца превратилось в эпический образ исключительной силы. До конца преследует Горе молодца, нигде от него нет спасения:

... скоча Горе из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:

---

[1] ЦО „Правда“ 31/VIII—1936 г., № 240 (6846).

[2] См. исследование А. А. Потебни „О доле и сродных с нею существах“, Харьков, 1914 г.

— Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдешь никуды
. . . . . .
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречетом;
молодец полетел сизым голубем,—
а Горе за ним серым ястребом;
молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним с борзыми вежлецы;
молодец стал в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косой вострою;
да еще Злочастье над молодцом насмеялося:
— „быть тебе, травоньке, посеченой,
лежать тебе, травонька, посеченой, и буйны ветры
быть тебе развеянной!“

Пошел молодец в мо́ре рыбою,
а Горе за ним с частым неводом... [1]

Таким изображается горе в пору страшных прошлых лет бесправия и угнетения в тюрьме народов — царской России,—в поэтическом „Письме белорусского народа великому Сталину“ [2].

„Медвежья глухомань“ растерзанной царскими палачами Белоруссии, жито, посеянное „пополам с тоскою“, „лебеда с мякиной“— вместо обеда, старинные степные могилы — молчаливые памятники кровавой борьбы; волчьи стаи царских жандармов, попов и ксендзов, русских помещиков и польских панов высасывали кровь из сердца белорусского народа.

Сироты и вдовы проливали слезы
На леса сухие, на гибкие лозы,
Так лета и весны, осени и зимы
Горе песни пело на земле родимой.
Горе песни пело, пело — не стихало,
Но как будто муки было людям мало.

Панские нагайки и шомпола карательных отрядов в кровь рассекали спины белоруссов, „бедняцкая

[1] См. В. В. Сиповский. „Русские повести XVII—XVIII вв.“ СПБ. 1905 г.
[2] ЦО „Правда“ от 11/VII—1936 г., № 189 (6795).

шея" была стиснута помещичьим ярмом... В годы империалистической бойни „Белорусь загрязла в крови по колени"; разбрелись по России голодные беженцы — „голода и смерти искать по дороге"; поля были изрыты снарядами и окопами; непогребенными валялись сотни детских трупов...

Во́роны на поле подбирают кости,
Во́рона на поле кличет ворон в гости...

А в это страшное время помещики-палачи гуляют. „На панских, нашим потом и слезами облитых, землях от зари до зари за жалкий грош гнул спину белорусский крестьянин... И теперь еще вспоминают старики-колхозники, как барон Врангель в своем имении Рудобелка (Глуский район) насильно зимой выгонял крестьян из хат, принуждая их заменять собак на охоте",— писали два года тому назад трудящиеся советской Белоруссии тов. Сталину, вспоминая о днях прошлого своей страны, стонавшей под игом царизма[1].

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила белорусский народ. Под руководством непобедимой партии большевиков, под руководством величайших гениев современности — Ленина и Сталина — белоруссы завоевали свою свободу. И если еще на Западе гибнут под властью панов крестьяне и рабочие, то здесь

Расцветает наш край белорусский,
Меняются люди и облик земли.
И вместо полосок, убогих и узких,
Колхозные нивы, как море, легли.
И вместо проклятий и песен тоскливых,
Которыми полнился раньше простор,
Разносится песня колхозниц счастливых,
Победный напев матерей и сестер.

---

[1] См. „Письмо знатных людей советской Белоруссии товарищу Сталину". ЦО „Правда" от 11/VII — 1935 г., № 189 (6435).

Партия Ленина — Сталина выпестовала многочисленные отряды новых знатных людей, отряды, мощь и сила которых сказочно растут. Это — новые эпические герои: о подвигах их складываются былины и песни. Два миллиона трудящихся советской Белоруссии, подписавшие „Письмо белорусского народа великому Сталину", с гордостью говорят об этих новых героях своей страны, самоотверженно борющихся за укрепление нашей прекрасной социалистической родины, за богатства народа, за народное благосостояние:

Наши люди работе по-новому рады.
Многих знает и помнит родная страна.
Ровно семьдесят три получили награду,
За работу свою заслужив ордена.
Мы сложили о них и былины, и песни.
Наша гордость они, наша честь и краса.
Вот Клишевич Василь,— бригадир из Полесья:
Тридцать центнеров снял он с гектара овса.
Их немало таких по бригадам и звеньям,
Боевых мастеров плодовитой земли!
Засевает за смену товарищ Руденя
Не двенадцать, а семьдесят га конопли.
У колхозов страны — большевистская хватка!
Мы имеем на пахоте дивных бойцов!
Дали нам Ахремович, Петрович, Аладка
По тринадцать гектаров за десять часов.
Неустанным трудом и борьбою добыта
Настоящая слава советских людей!
Так работает конюх Батовкин Никита,
Знаменитый в колхозах работой своей.

Невольно приходят на память читателю торжественные слова восхваления героических подвигов греков под стенами Илиона. Однако, в нашем эпосе — новое, то, что отличает Аладку и Никиту Батовкина — героев эпоса — от Аякса и Одиссея: наши знатные люди совершают подвиги во имя счастья народов своей Родины, во имя счастья народов всего мира. Семь-

десят га конопли за смену — не простая, мертвая цифра, ибо в стране Советов сотни тысяч Аяксов, созидающих, творящих благо человечества. Этот размах, эту большевистскую, сталинскую целеустремленность надо понять в оценке наших эпических героев.

И снова в финале поэтического сказа вырастает величественный образ всенародного героя, того, кого сравнивают с солнцем и орлом, того, кто, как мудрый, заботливый садовник, вырастил новых людей-героев. И снова мощным аккордом звучат самые теплые, самые нежные и радостные, самые мощные и громовые слова приветствия ему — первому всенародному герою, ему — вождю и отцу всего трудящегося человечества:

Твой образ, как призыв, встает над землею.
Зовет он весь мир к большевистской борьбе.
Мы все у Кремля, нашим сердцем с тобою,
И лучшая песня у нас — о тебе.
Ты, солнце для нас, что весь мир осветило,
Ты, слава и гордость семьи трудовой,
Ты, рек полноводных могучая сила,
Прозрачность криницы, наш вождь дорогой!
Сквозь три революции, битвы, восстанья
Ты с Лениным рядом водил нас на бой.
Ты наших садов и полей красованье,
Ты песня победы, наш вождь дорогой.
Тебе наша радость, любовь и отвага,
Все силы, все сердце громады людской.
Веди нас, любимый, под ленинским стягом!
Ты жизнь для народов,— наш вождь дорогой!..

Одним из самых волнующих и талантливых произведений, характеризующих становление нового всенародного эпоса, является „Письмо трудящихся Киргизстана великому вождю народов, отцу всех трудящихся, товарищу Сталину“, обсужденное и принятое на народных собраниях Киргизской республики, а также на V Чрезвычайном съезде Советов Киргизстана[1].

[1] Напечатано отдельной книгой — М., 1936 г.

„Письмо“ открывается лирическим посвящением товарищу Сталину — „кузнецу счастья“, „творцу величайших дел“, к которому обращается киргизский народ с крутых, нетающих вершин Тянь-Шаня. Как и в „Письмах“ из Грузии, Дагестана, Белоруссии, мы встречаем здесь развернутое изображение исторического прошлого киргизского народа, прошлого, полного ужасающих бесправия и нищеты. Тоскливые степные песни звенят в „Письме“ заунывной мелодией, и яркий колорит народного творчества накладывает своеобразную печать на заунывно протяжный эпический речитатив:

Наши головы ханский меч
Удалял, как яблоки, с плеч;
Чингис-хан, Хромец Тамерлан
Кровь сосали из наших ран.
Бедняка пронзала стрела,
В глаз впивалась ему игла,
Человечьим мясом кормил
Хан охотничьего орла.
Тьмы и тьмы безвестных могил
Чуйский дол в себе затаил,
Он их множил из века в век —
На могилах вырос Пишпек,
И, как медь, стихом прозвонил
Эту быль певец Арстанбек.

Киргизские рчи, ахуны, джамакчи и джомокчу — народные певцы — в незапамятные времена (о существовании древней киргизской письменности можно судить по орхонским надгробным надписям VII и VIII веков н. э.) сложили ряд эпических поэм о героях, защищавших родной народ от завоевателей-пришельцев.

Киргизские героические поэмы „Манас“ и „Семетей“ в художественном отношении не ниже „Илиады“ [1]. Эпические поэмы о народных героях — „Кур-

[1] См. В. В. Радлов — „Образцы народной литературы северотюркских племен“, 1885 г., акад. В. В. Бартольд — „Киргизы“. 1927 г. и др.

манбек", „Кедей Хан", „Коджо-Джаш", „Саринджи Бекой", „Джаныш-Байш" и др.— повествуют о героях-богатырях, отдавших всю свою жизнь за народ. Но киргизский народ, разъединенный степными кочевьями на огромных пространствах, задавленный царскими ставленниками после порабощения киргизов российским самодержавием и эксплуатируемый киргизами-богатеями, влачил самое жалкое существование:

Зажат был в тисках, задавлен неволей киргиз,
Заживо в гроб ложись от боли, киргиз!
Ветром нужды гонимый, скитайся, кочуй
За жалкой коркой, перекати-поле, киргиз!
. . . . . .
Как валуны, что вдруг низвергаются с гор,
Падал на наши горбы за побором побор.
Налоги платили мы нашими дочерьми;
Гнал нас голод в далекий, чужой простор.

Далее киргизский народ повествует товарищу Сталину об издевательствах русского царя, баев, манапов, о народном восстании против гнета, которое поднял Исмаил. Вооруженные косами, кистенями и самодельными саблями, киргизы не могли, разумеется, справиться с царскими пушками — их захлестнули „бураном свинца, свирепым ливнем клинков", сожгли их кишлаки, вырезали целые семьи. Народ ушел в горы, мучимый голодом...

За камни цепляясь, ползя ползком,
Женщины, потеряв детей,
Жидким, скудным своим молоком
Пытались поить умиравших мужей.
Пока мы дошли до своих пепелищ,
Сотни выросли горных кладбищ.
Груды костей наших там и тут
Поныне на тех путях гниют...

И нужно ли говорить о том, какой неизмеримо глубокой благодарностью вождю народов звучат слова

трудящихся киргизов о свободном социалистическом Киргизстане? И можно ли выразить в простых, обычных словах всенародную радость?

„Есть на земле предметы, о коих грешно говорить смиренной прозой",— писал когда-то Белинский.

Есть явления в нашем настоящем, о которых уже не певцы и сказители, а народы хотят сказать поэтически:

Алым светом зари твоей
Ала-тау седой залит.
Победив снеговой Кунгей,
Знамя ленинское шумит.
Сыплет искры под ним гранит
Голубого хребта Терскей.
Весь Тянь-Шань, как сказочный змей,
Чешуей ледников звенит.
Как возникший в песках ручей,
В сердце радость у нас бурлит.

Самым глубоким счастьем для народа представляется так страстно желаемый приезд любимого вождя в Киргизстан. Ему, товарищу Сталину, великому отцу и учителю всех народов, покажут киргизы величественную мощь своих горных и степных пейзажей, ему поведают о своих победах, достигнутых под его мудрым руководством:

Если б, отец, к нам приехал ты,
Есть чем радовать взоры у нас:
Величайшие в мире хребты,
Высочайшие горы у нас.
На серебряный Хан-Тенгри,
На пик Ленина посмотри —
Как сверкают их ледники!
Ледниковые реки у нас
Блещут ясней зеркал.
Кипятковые родники
Плещут из каменных скал.
Мы пути пробили в горах.
Мчатся автомобили в горах...

Огражденные кольцами гор,
Живописны озера у нас —
Зелена их зеркальная гладь.
Любят лебеди их простор,
Уток утром — не перестрелять,
С лодок слышится девичий хор,
Пароходы плывут между гор.
Иссык-Куль наш, Сон-Куль — таких
Много ль в мире горных озер?..
Шиты шелком у нас луга —
Утопает в цветах нога.
Бархатные травы у нас,
Пастбища на славу у нас,
Хороши джайляу у нас!
Зыблются, как волны вдали,
Ковыли душистые там,
Серебристые ковыли,
Освежающе пахнет полынь,
И густая небесная синь!..
Много мы овец развели —
Еле ходят: курдюк до земли.
Кони вихрем носятся там,
Под седло сами просятся там,
Кобылиц рысистых — не счесть,
Кобылиц кумысных — не счесть,
Льется морем белым кумыс —
Не нарадуется киргиз.
Сусамыр, Аксай, Чон-Алай!
Славные джайляу у нас!
Чудесные джайляу у нас!

Трудящиеся Киргизстана в „Письме“ изображают своих знатных людей, воспитанных сталинской эпохой. Герои „белого золота“ Арсалят и Джорабек, знаменитый конюх-орденоносец Бектуров, выпестовавший великолепных „джануаров — коней“, ударница свекловичных полей Тезекбаева, вырастившая свеклу „валун-валуном“, — вот новые герои Киргизстана, выученики большевиков, претворяющие в жизнь указания вождя.

Особенно следует указать на то, что в „Письме трудящихся Киргизстана“ величественный образ товарища Сталина встает перед читателем во весь рост. Невиданный миром герой, сосредоточивший в своей личности все самое лучшее, самое смелое, самое гениальное и могущественное, что только знало человечество на протяжении своей истории, воплощает в своей личности творческую энергию и силу народных масс. К нему устремлены все мысли народов, в нем заключаются надежды, в нем — непоколебимая уверенность в победе трудящегося человечества, в нем — священная ненависть к врагам народа и всепоглощающая любовь к людям.

Счастьем кто наградил нас? Ты!
Как цветы, кто растил нас? Ты!
Мы забыли все беды с тобой,
Мы достигли победы с тобой,
Дети наши ликуют и деды — с тобой!
Утешал нас не однажды ты,
Утолял нашу жажду ты,
Ты — родник нашей жизни, Сталин!
Крепость нашей жизни ты,
Наше славное знамя, Сталин!
Вечно молодо имя твое,
Пишем золотом имя твое,
И звучит оно гимном, Сталин,
И сияет у нас в глазах!
Наших помыслов — ты исток.
Озаряешь ты весь Восток,
Запад весь озаряешь ты,
Светишь ты на двух полюсах,
И весь мир согреваешь ты,
Незакатное солнце — Сталин!
Ты — луна неугасная, Сталин!
Ты — звезда наша ясная, Сталин!
Ты — заря наша красная, Сталин!
В хаосе мировых разрух
Ты — маяк незатменный, Сталин!
Наш учитель, отец наш, друг,

Ты — наш голос и ты — наш слух,
Совесть мира кристальная, Сталин!
Всем делам нашим ты — оплот,
Мыслям нашим даешь полет,
Силам нашим размах даешь,
Крыльям нашим даешь разворот.
С нами — что ни мгновенье — ты,
В каждом сердцебиеньи — ты,
Воплощение гения — ты,
Наше вдохновение, Сталин!
Наша воля могучая — ты,
Наша кровь кипучая — ты,
Сердце — самое лучшее — ты!

Укажем также „Письмо ойротского народа великому Сталину", обсужденное и принятое на IX Чрезвычайном съезде советов Ойротской автономной области и на народных собраниях во всех аймаках.[1] „Письмо" это подписали все делегаты съезда и 21035 трудящихся Ойротской области.

Ойроты живописуют „Алтай голубой", вспоминая „старое, ушедшее навеки", „года кровавые, тяжелые", когда бедняки жили в нищете и мучениях; когда их грабили джунгарские ханы, попы, хищные баи, купцы; когда царские чиновники оравами ездили в голубой Алтай сбирать ясак с „некрещенных" ойротов; когда в голодных аилах дико неистовствовали шаманы, умирали от голода и болезней дети и слабые женщины, а из далекого Петербурга летели строжайшие указы российского самодержца чиновникам — „держать инородцев под крепкой рукой". Золото и меха — богатства ойротского Алтая — шли к царю и его банде, к баям, купцам и шаманам, а „инородцев"-ойротов спаивали царской „кабак-аракой". Разносились по Алтаю тоскливые песни измученного ойротского народа о счастье, которое поселилось в байских аилах и юртах зайсангов. И когда сменил царя кровавый Колчак — „вместо одних крово-

[1] Недавно „Письмо ойротского народа великому Сталину" вышло в свет отдельной книгой (Новосибирск, 1937 г.).

жадных собак явились другие"... Снова — расстрелы, пытки, тюрьмы.

„Письмо ойротского народа" содержит в поэтическом тексте ряд потрясающих документов — воспоминания очевидцев зверства колчаковских карательных экспедиций и бесчинств каракорумцев — палачей буржуазно-националистического „правительства" Ойротии в 1918 году.

Но мудрого Ленина вещее слово
И в древние горы Алтая дошло...

Наступили грозовые годы народных боев за освобождение Алтая. Под знаменем Ленина — Сталина пошли лучшие сыны Ойротии биться за счастье... Ойротия стала свободной. Неисчислимые богатства голубого Алтая — ископаемые, звери, золото — стали принадлежать социалистической Родине, могучему сталинскому братству народов. В стране лесистых гор зажглись электрические звезды, „тишь вековую вспугнул паровоз", по Чуйскому тракту побежали автобусы до самой монгольской границы, книга сменила араку, школа выстроена вместо кабака. В голубом Алтае выросли свои герои: пастух-орденоносец Терпан Мызаев, вчерашний батрак, стал гордостью Ойротии. Он создает свои лирические песни о проклятом прошлом, о чудесном настоящем; он пастух и поэт.

„Езендык болзын ойгор Сталин! (да здравствует мудрый Сталин)" — несется, как победный гром, по свободному Алтаю приветственный клич пробужденного народа. Горе врагу, который вздумает протянуть свою кровавую лапу к народному счастью!..

Недавно Чувашгиз выпустил отдельной книгой „Письмо чувашского народа великому Сталину", в котором поэтически изображена история когда-то угнетенных русским царем чувашей. Еще со времени Иоанна Грозного чувашские земли на Волге были плацдармом борьбы между Иоанном и татарами. По приказу царя чувашей-рыбаков топили в Волге,

»бортья в щепки разбивали", издевались над народом. Крупные народные восстания, предводительствуемые Алек-Батырем Янчуром, Ахметеком, были подавлены с исключительной жестокостью: иоанновы опричники засекали до-смерти чувашей, сжигали их нивы, уничтожали селения.

Вспыхнуло восстание Степана Разина, и чуваши приняли в нем самое активное участие. В веках остались имена таких борцов за народ, как Пихтемей, атаман Тудимер, Изелбей, Искей Пайдулэ.

В царствование Петра Великого большинство населения Чувашии было сделано лашманами — рубщиками и возчиками леса на корабельном строительстве. Хлестал царский саламат по спинам лашманов... Тоскливо и грозно звучала чувашская песня:

Перемерзло бревно, как лед,
Мой топор его не берет,
Вот отскочит он и, свистя,
К сердцу царскому путь найдет...

Шли десятилетия. Российские самодержцы „втаптывали в землю" чувашей. За участие в пугачевском восстании немилосердно, жестоко расправилась „казанская помещица" Екатерина с чувашами: им вырезывали языки, на черных виселицах „сплавляли" по Волге трупы казненных... Жизнь стала еще мучительнее. Тысячами слепли чуваши от трахомы, умирали от тяжких болезней, но не сдавались.

Юноши верили в квакхупийэ (счастливое „открытие неба").

С гордостью пишет чувашский народ своему любимому вождю о Радищеве, сочувственно отозвавшемся о чувашах; о Герцене, Горьком. И время пришло:

Небосвод в пятиконечных
Засиял над нами звездах...
Взорвалась тюрьма народов,
Старый мир взлетел на воздух!
Самый близкий друг наш Сталин!
Той порою грозовою

Два горячих ясных солнца
Засияли над землею.
Эти солнца — ты и Ленин!
Озаренные борьбою,
Этих два горячих солнца
Все мы видим над собою.

Тысячи героев сталинской закалки выросли в социалистической Чувашии: комбайнеры, трактористы, животноводы — бойцы и командиры социалистического сельского хозяйства, стахановцы промышленности, работники здравоохранения, культуры. Каждый из них знает „цену долга гражданина" СССР, каждый из них готов отдать свою жизнь за социализм, за любимого вождя...

4 октября 1936 года полтора миллиона казахов отправили свое „Письмо товарищу Сталину от возрожденного казахского народа".[1] Нам кажется исключительно интересным, в плане нашей темы, сравнение жизни советского Казахстана с древней казахской легендой о Коркуте, сравнение, употребленное авторами письма:

„Была у казахов, до революции, легенда о вечном путнике Коркуте. Ходил он по всей казахской земле, бродил всю свою долгую, Аллахом проклятую жизнь, и везде, где собирался остановиться, его встречала вырытая для него могила. Так оно и было. И не только с Коркутом, но и со всем задавленным и вымиравшим казахским народом. А теперь? Как и какими словами выразить чудесные перемены в жизни народа, в нашей жизни полноправных граждан великого Союза, гордых своей прекрасной родиной!".

Казахский народ пишет товарищу Сталину о невиданном расцвете искусства в Казахстане, об именах талантливых артистов и певцов-акынов, известных всему Советскому Союзу: дочь сапожника — Куляш Байсеитова, которую справедливо называют

[1] „Известия ЦИК СССР" от 6/X—1936 г., № 233 (6090).

„казахским соловьем", вчерашний рабочий Манарбек Ержанов, ставший одним из талантливейших актеров, Урия Турдукулова, Жамал Байсембаева, знаменитый, известный всей нашей стране акын Джамбул, старейший певец Казахстана, акыны Утепов и Садык, организовавшие кружки девушек и юношей—домбристов и обучавшие их народным песням и танцам.

„В первые годы советской власти,— пишет казахский народ товарищу Сталину,— значительных кадров культурных людей у нас еще не было. Сегодня мы можем сказать тебе, наш великий кормчий, что наряду с перевоспитанием немногочисленных прежних кадров национальной интеллигенции, сотнями и тысячами насчитываются теперь кадры твоих питомцев, вышедших из низов казахского народа, преданных душой и телом великому делу Ленина — Сталина".

Когда-то угнетенные народы, страдавшие в тюрьме народов — царской России,— преобразились. Это великое пробуждение осуществлено под руководством гениального вождя трудящихся всего мира — товарища Сталина. Имя Сталина воодушевляет сотни миллионов людей.

„Письмо колхозников-джигитов Туркмении товарищу Сталину"[1] открывается лирическим признанием в том, что песен нельзя не петь:

. . . . . песни льются сами
Из переполненных сердец...

Кочевые народы, когда-то гонимые из края в край и теснимые царскими колонизаторами, обрели свою родину, сильную могучим сталинским братством. И как страшное напоминание о прошлом, которое никогда не вернется, звучат строфы, посвященные многолетнему, безрадостному кочевью:

Как мать родную, родину ища,
Ты сотни лет, кочуя, растерял.

[1] ЦО „Правда" от 6/IX—1936 г., № 246 (6852).

И каждый день безрадостный очаг
С утра дымил, а в полдень остывал.
По всей земле ты не нашел, где сесть.
Ты родину прозвал — „хатаб-кала“ [1]
Но и в седле одну ты слышал весть:
Что день — беда, как мать, тебя ждала.

Можно было бы, разумеется, привести тысячи песен, множество обращений к товарищу Сталину кубанских и донских казаков, украинцев, русских, таджиков, рабочих и колхозников, академиков и красноармейцев, но для этого нужно писать большую книгу (она, конечно, скоро будет написана). Нам думается, что и приведенных примеров вполне достаточно для подтверждения тезиса о становлении нового, невиданного в истории человечества, всенародного эпоса в нашей стране.

Поэтические обращения народов СССР к великому Сталину — ярчайший документ, свидетельствующий о творческом пробуждении всех трудящихся нашей страны.

...„Пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру“,— писал товарищ Сталин [2].

Пробуждение всех народов СССР, стремительное развитие счастливой, радостной жизни невиданно обогащают народное творчество. На наших глазах сейчас зарождается величайший общечеловеческий всенародный эпос. Песни и легенды свободных народов нашей страны сливаются в одну величественную, торжественную мелодию прекрасного настоящего и еще более прекрасного будущего. В этом

[1] Хатаб — передняя лука верблюжьего седла, кала — крепость.

[2] И. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 159.

могучем слиянии нет ничего такого, что стирало бы национальные формы народного творчества, что затушевывало бы национальный колорит. Напротив— национальные формы нашего эпоса, обогащающие всенародный эпос, в свою очередь обогащаются общечеловеческой социалистической идеей братства народов и борьбы за коммунизм во всем мире.

Конечно, вопрос об освоении богатств народного творчества советским эпосом отнюдь не должен и не может представляться нами упрощенно — только по линии развития социалистического содержания; содержание органически связано с формой, и развитие новой формы советского эпоса заключается как в обогащении языка былин и сказов новым словообразованием, определяющимся содержанием нашей жизни, так и в стилевом и жанровом отношении: в былине о Кривошлыкове мы встречаем песенный текст, что, собственно, отсутствовало в старых былинах; многие эпические сказы и легенды обогащаются глубоким лиризмом, выраженным обычно наличием лирических „вставок" от первого лица. Эти стороны советского эпоса, безусловно, заслуживают отдельного исследования. Они, несомненно, являются чертами, устремленными в наше чудесное будущее, исторически определенное сегодняшним днем великой Страны Советов. Прежде всего — это появление в народном эпосе героя, одинаково дорогого, одинаково родного и близкого всем народам земного шара, всему трудящемуся человечеству, героя, чье сердце горит огромной любовью к человечеству, чей гениальный ум начертал пути борьбы и побед за вселенское счастье людей.

Мудро ведет этот герой, еще невиданный на земле, человечество к счастью. Сквозь великие испытания, сквозь пожар всемирной борьбы он бесстрашно ведет людей к коммунизму, и нет таких сил, которые могли бы остановить трудящееся человечество, идущее под его знаменем побеждать. Образ вождя непобедимой коммунистической партии большевиков, мудрого вождя человечества — ге-

ниального Сталина — первая и важнейшая черта, определяющая общечеловеческий, всенародный характер развития нашего эпоса. Все самое великое, самое лучшее, самое сильное, что только было создано народами мира в поэтическом творчестве, вошло в этот величественный образ. Греческий Прометей, индейский Гайавата, русский Илья Муромец, кабардинский Сосруко, карельский Вейнемейнен, непобедимые богатыри, созданные певцами грузинского народа, украинцев, белоруссов, чувашей, киргизов, ойротов, питают ту почву народного творчества, на которой вырастает замечательный образ общечеловеческого, всенародного героя. Но насколько многообразнее, счастливее, богаче наша действительность, настолько ярче, сильнее чудесный героический образ Сталина; он, этот образ, только еще воссоздается в эпосе; он еще не создан в такой полноте и глубине, в такой рельефности и строго гармонической очерченности, какие покажут миру во весь рост героя — всенародного отца. Однако, мы живем в эпоху, когда сотни миллионов народа, независимо от национальности и языка, создают образ гениального вождя, ищут слов, красок и линий для воссоздания монументальнейшей фигуры. И эти поиски — первый показатель становления всенародного эпоса.

Одна из важнейших черт нового советского эпоса — великая сталинская идея братства народов всего мира. О ней пишут два миллиона трудящихся Белоруссии в обращении к товарищу Сталину:

Мы дружбу народов лелеем и холим
Советским единством борьбы и труда.
Клянемся: нарушить ее не позволим
Ни в чем и ничем никому! Никогда!
Давно эту дружбу в подполье глубоком
И Ленин и ты создавали в бою,
Отчетливо видя прозорливым оком
Советских республик большую семью.

Трудящиеся Киргизстана гордятся тем, что щедрые дары их родины открыты для всех народов СССР, что „золотое дно“ их земли — источник счастья могучих братьев — граждан социалистической родины.

Горд киргиз еще потому,
Что не только ему одному —
Всем народам советским дан
Щедрый на дары Киргизстан.

Культура всех веков и народов, независимо от ее национальных черт, стала общим достоянием свободных народов СССР: чувашам близки и дороги Пушкин, Герцен, Радищев, Достоевский, Горький. Русским — Шота Руставели, Шевченко. Украинцам и киргизам — Янка Купала, Маяковский. Об этом прекрасно сказано в „Письме“ грузинского народа, отметившего значение культуры и поэзии всенародного характера:

Мы лелеем дар бесценный руставелевских стихов,
Несравненный, многоценный, как созвездье жемчугов,
Любим мы Саба-Сулхана. Наш народ ценить привык
Ясный стих Гурамишвили, чавчавадзевский язык.
Любит он Бараташвили и порыв, и бурный хмель,
И отважный голос Важа, и Акакия свирель.
Дорог Пушкин нам, Некрасов, дорог нам и Лев Толстой,
Мы у Гоголя пленились Украины красотой.
Любим стих Шевченко гневный, Чехов, Горький —
близки нам.
Мы внимаем всех народов и напевам и стихам.

Свободные народы Советского Союза обогащают свою социалистическую культуру обращением к культуре всех народов мира; что же касается идеи братства народов, то она безгранично расширяет творческие горизонты, углубляет творческую мысль человека.

Нельзя ни в коем случае пройти мимо черты советского эпоса, не менее важной и значительной: идеи единой беспощадной борьбы с врагами большевистской партии, с врагами народа.

Перед трудящимся человечеством общий враг — фашизм. Фашизм, как наиболее безобразная, отвратительная, тупо-жестокая, звериная форма кровавого сопротивления буржуазии, стоит на дороге человечества к счастью. Фашизм с его гнуснейшими выродками-троцкистами и правыми — диверсантами и шпионами-предателями пытается остановить победное шествие народов мира к коммунизму. Фашизм расстреливает тысячи женщин и детей в Испании. Фашизм засылает своих шпионов-диверсантов в Советский Союз. Фашизм своей кровавой грязной лапой направил выстрел трижды проклятой троцкистской гадины в незабвенного Сергея Мироновича Кирова. Фашизм организовал банду негодяев во главе с омерзительнейшим, вызывающим отвращение и ненависть Иудушкой Троцким, шайку зиновьевых, радеков, каменевых и их приспешников. Фашизм организовал негодяев-шпионов тухачевских и путна, фельдманов и эйдеманов. Фашизм уничтожает человеческую культуру, сжигает города, убивает детей.

Перед трудящимся человечеством общий враг, в какие бы маски он ни рядился,— враг народа.

Это осознание необходимости жестокой борьбы с фашистами и их приспешниками — одна из важнейших черт советского эпоса.

До конца уничтожить врагов народа, отдать все свои силы, всю кровь, всю жизнь за великое дело социализма; отдать все свои силы, всю кровь, всю жизнь за родного, любимого Сталина — эта героическая, радостная мысль, волнующая весь народ, определяет советский эпос.

Когда правительственное сообщение о раскрытии гнусных планов троцкистско-зиновьевской банды дошло до далеких казахских аулов, в колхозе Ер-Назар „ночью съехались колхозники соседних аулов". „При свете звезд и фонарей старый Джамбул ударил по струнам домбры, и она зазвенела гневно и яростно. Слова „Песни гнева" были словами народа":

В кого вы хотели, злодеи, стрелять?
Хотели отца у народов отнять!
Кому вы готовили пули и яды?
Хотели отнять наше счастье и радость!
Хотели убить вождя всех племен,
Всех народов и всех времен.
Хотели солнце земли погасить —
Сердце Сталина остановить.
Но голос народа гремит водопадом, —
Вы просчитались, проклятые гады!
Никогда змее в облаках не бывать!
Никогда верблюду орлом не летать!
По морской воде паровоз не пройдет!
По сухой земле не пойдет пароход!
Шакалу звезды не укусить!
Солнце собаке не погасить!
Сталин — солнце наше, и с ним
Мы побеждаем и победим!
Мысли кипенье навеки с ним,
Сердца биенье навеки с ним,
Душа народа навеки с ним,
Песня народа навеки с ним,
А собакам поганым, бешеным псам,
На брюхе из ямы ползущим к нам,
Приговор вынесен в каждом ауле,—
Каждой собаке в череп по пуле![1]

Быть беспощадным к врагам народа, уничтожать их мерзкие, гнусные происки, беречь священное пламя ненависти к врагам Родины — таковы черты, характеризующие советский народный эпос.

Социалистический гуманизм — великая, всепоглощающая любовь к трудящемуся человечеству и жестокая, неугасимая, огненная ненависть к врагам народа;

горячая любовь к могучей непобедимой Родине — великому Союзу освобожденных народов;

твердость и верность великому знамени Ленина — Сталина,— таковы черты героев советского эпоса —

[1] См. „Лит. критик", 1936 г., № 12, стр. 220.

миллионов людей сталинской закалки, таковы черты народа, создающего свои эпические творения.

В чем сила наших героев? В чем мощность и величие их? В чем их героизм?

Об этом говорил тов. Сталин в своем заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года:

„Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс,— вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же,

как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства" [1].

Во всех песнях и легендах о Сталине, сложенных народами СССР, подчеркивается эта кровная, живая связь вождя человечества с широчайшими народными массами.

Поэтому народы нашей страны, создавая героический эпос, вкладывают в образ Сталина все самое лучшее, самое близкое, самое смелое, честное и благородное, что только было создано человечеством в эпосе всех веков и народов. И самый факт обращения народа к своему старинному эпосу для создания образа величайшего на земле героя замечателен, ибо он ярко раскрывает народную психологию наших дней. Об этом говорил еще в первые годы революции В. И. Ленин, так отозвавшийся о народных сказках:

„Какой интересный материал... Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что нехватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите, в сказках Н. Е. Ончукова, которые я перелистал,— ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нам нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это доподлинное народное творчество, т а к о е н у ж н о е и в а ж н о е д л я и з у ч е н и я н а р о д н о й п с и х о л о г и и в н а ш и д н и (подч. мною.— В. З.)" [2].

---

[1] И. Сталин. „О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников", Партиздат, 1937 г.

[2] В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии.

Об „Аскан-дана“[1] — Сталине, чей образ лучше всех знаменитых богатырей мира, поет казахский акын Рахим Кулбаев:

Смел, красив и могуч джульбарс,
Полосатый степной батырь,
Но сильнее во много раз
И отважней джульбарса — ты!
Зорок беркут, степной орел,
Озирающий мир с высоты,
Но народ ты к вершинам привел, —
Дальнозорче беркута — ты!
Много мудрости знает народ,
К солнцу вышедший из темноты,
Но народ за тобою идет, —
Всех мудрее на свете — ты!
Ты — великий вождь и мудрец,
Тебе мудрость веков дана.
Называет тебя певец
В своих песнях аскан-дана [2].

О великом Сталине, воплотившем в себе все лучшие образы народного творчества, поют известные азербайджанские народные ашуги: Асад Рзаев из Геокчая, автор чудесных легенд о старинном герое Кер-оглы, Мирза Байрамов из Тауза, Авак Азарян и Самвел Азарян (отец и сын) — шамхорские певцы, Ибрагим Алиев — ашуг из Кировабада [3].

Пожалуй, показательнее всего в этом отношении будет ссылка на творчество былинных мастеров, авторов и сказителей лучших русских былин — знаменитых онежских певцов Рябининых.

Семья Рябининых — талантливейшее поколение певцов героического русского народа. Известный собиратель былин профессор А. Ф. Гильфердинг „открыл“ в

---

[1] Аскан-дана (казахск.) — превзошедший всех гениев.

[2] См. журнал „Революция и национальности“ 1936 г., № 11, стр. 94.

[3] См. „Литературную газету“ от 15/VIII—1937 г., № 44 (680).

конце 60-х годов предка семьи Рябининых — крестьянина деревни Середки Кижской волости, на Онеге — Трофима Егоровича Рябинина. Восьмидесятилетний Рябинин рассказал Гильфердингу, как он учился у древнего старца Ильи Елустафьева и у своего дяди — старого крестьянина Игната Андреева „сказывать ста̀рины". Лучшие былины о могучих народных героях, русских богатырях, записал Гильфердинг от Трофима Рябинина, хранителя старого народного эпоса. Много сказывали ста̀рин и сын Трофима Егоровича — Иван и его внуки.

Сейчас еще живет на берегах Онежского озера Петр Иванович Рябинин, „понявший" традиции героического эпоса от своих предков. Правнук Трофима Рябинина, прославленного русского сказителя, в чьем сердце жив был великий размах русского народа, дожил до дней, когда явился на Руси „богатырь невиданный", „богатырь советский" — Сталин.

И использовав богатства древних русских сказов, традиции своих отцов и прадедов, стал складывать старый надсмотрщик онежского маяка Петр Рябинин былины о советских богатырях, об их могучем вожде — Сталине.

Приезжает Фрунзе во Царицын-град,
Прямо едет к штабу на широкий двор.
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменны,
На пяту он двери поразмахивал,
А он низко всем да покланяется,
Да товарищу Сталину в особину.
— „Здравствуй, свет Иосиф да Виссарионович!
А я был сегодня во чистом поле,
А я видел во чистом поле Чапаева,
Он поехал биться ко Уральскому,
А я поехал биться ко Царицыну".
Говорит ему Сталин таковы слова:
— „Ты запомни-ка, Михайла да Васильевич,
Как поехали с Москвы мы белокаменной,

На поезде Ленин нам наказывал:
— Вы — богатыри земли советской,
Земли русской да пролетарской! —
Постоять велел за правду, за отечество,
Не велел давать в обиду трудовой народ.
Пусть Чапаев едет ко Уральскому,
А мы будем биться под Царицыным,
Да очистим-ка ведь мы да землю русскую,
Землю русскую от неприятеля,
Не дадим в обиду трудовой народ"... [1]

Героический русский народ, чьи думы выразил потомок знаменитых певцов и сказителей, увидел в образе Сталина невиданного на земле богатыря. Этот образ объединил в себе великий размах русского народа, воплощенный во всех легендах о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче, Святогоре и др.

Он пришел, великий Прометей, и стал солнцем в возрожденном мире.

Он пришел, могучий вождь, отец и друг всего трудящегося человечества.

Он пришел, долгожданный витязь, всенародный непобедимый батырь, которого тщетно искал пятьсот лет тому назад легендарный казахский акын-мечтатель Асан-Кайгы, изъездивший желтые степи в поисках волшебной жер-уюк — страны свободы.

Где же ты, Асан? Весна
К нам пришла в дорогих цветах,
В колхозе сбылась она —
Вековая твоя мечта.
Прокляни же прошлое ты!
Он с нами живет, батырь,
Которого ты в веках
Искал, как мечту свою.

---

[1] „Былина о Чапаеве", которую пел П. И. Рябинин, записана от него сотрудником газеты „Северо-западный водник" и опубликована в журнале „Знамя" (1937 г., № 5, стр. 190—195).

Только этот батырь и мог
Разбить вековой замок,
За которым бай и мулла
Хранили, как яблоки глаз,
Украденные у нас
Счастье и радость степей!
Он—батырь и он был—кедей!
Он велик. Слово его —
Сильней, чем устои гор!
Он собрал в себе слезы веков,
Он собрал в себе горе веков,
Он собрал в себе радость веков,
Он собрал в себе силу веков!
Его жизнь велика и проста,
Необъятна она, как мечта.
Он, как утро, над миром встает,
Его Сталиным мир зовет! [1]

Так поют народы нашей великой Родины о Сталине. Так создается еще невиданное эпическое творение о величайшем из людей.

Мы не знаем, какие формы будут возникать, облекая это творение народов чудесными линиями, выражающими лирическую нежность и проникновенную теплоту.

Мы не знаем, какие жанровые особенности примет величественная „Илиада" социалистического человечества — героическая песнь победивших и освобожденных народов земли.

Но мы знаем, что самыми великими образами в этой всенародной эпопее будут образы Ленина и Сталина.

Мы знаем, что могучий, чарующий, солнечный образ вождя, кристально-чистого и благородного, будет вечно излучать животворящую, творческую силу, вечно будет знаменем человечества.

И мы счастливы тем, что в прекрасных народных

---

[1] Песня казахского жирши Бека. (Сб. „Песни о Сталине", Казкрайгиз, 1936 г., стр. 35—36).

шествиях мы видим его, ведущего человечество к счастью.

Мы счастливы тем, что, живя на земле, мы можем бороться за его великое дело.

Народы нашей страны ищут слова, которые положат начало невиданной эпопее о нем:

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты — житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши,
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин слов.
С пророком хотел я тебя сравнить,
С пророком не мог я тебя сравнить!
Правду пророк не умел говорить!
Хотел с океаном тебя сравнить,
Не мог с океаном тебя сравнить!
И в океане порой корабли
С раскрытым дном сидят на мели...
С полярной звездой хотел сравнить,
С полярной звездой не мог сравнить!
Она, как прибитая гвоздем,
Вечно стоит на месте своем...
С горами хотел я тебя сравнить,
Из гор тебе не равна ни одна,—
У каждой горы вершина видна...
Хотел тебя с полной луною сравнить,
Не мог тебя с полной луной сравнить!
В небе она холодна и бледна —
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить,
Не мог я тебя и с солнцем сравнить!
Может и солнце порой изменить —
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин, как вечный огонь, горит.
. . . . . .
С родной домброй по степям я пройду.
Сокровище слов в народе найду,
Я песни посею в пылких сердцах,

И вырастут песни степного певца.
И в песнях этих найдут поколенья
Достойные Сталина слова и сравненья.
. . . . . .

Так поет о Сталине столетний акын и жирши Джамбул Джабаев. Так поет о Сталине свободный народ нашей дорогой Родины.

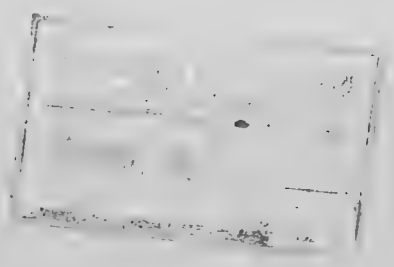
И мы счастливы тем, что начали песню о нем, песню, которую будут петь все, кто живет на земле.

Ответредактор *А. П. Оленич-Гнененко*
Технический редактор *В. П. Болдырева.*

Изд. 230|5455. Худ. Сдано в производство 21/X 1937 г. Подписано к печати 25|X 1937 г. Формат 55×82¹|₁₆. Объем 5⁵|₄ п. л. (2¹|₈ бум. л. 65.208 зн. в бум. л.). Тираж 5.000. Уполобллит Е—6071.

Тип. им. Коминтерна РОПТ в Ростове н.-Д. Зак. № 2354.

Цена 1 руб. 50 коп. Переплет 50 коп.



ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Ст-ца	Строка	Напечатано	Следует читать
16	10 сверху	Минненаге	Миннегаге

Ответредактор *А. П. Оленич-Гнененко*
Технический редактор *В. П. Болдырева.*

Изд. 230|5455. Худ. Сдано в производство 21/X 1937 г. Подписано к печати 25|X 1937 г. Формат 55×82¹|₁₆. Объем 5⁵|₄ п. л. (2¹|₈ бум. л. 65.208 зн. в бум. л.). Тираж 5.000. Уполобллит Е—6071.

Тип. им. Коминтерна РОПТ в Ростове н.-Д. Зак. № 2354.

Цена 1 руб. 50 коп. Переплет 50 коп.

КОПИРОВАНИЕ
03.12.02